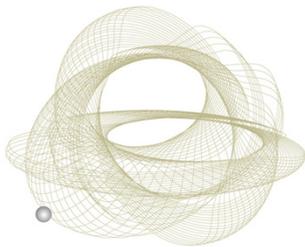

НИКОЛАЙ
БАСОВ

ШЕДЕВРЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ

ЗАКОН
ВОЕННОГО
СЧАСТЬЯ

Николай Владленович Басов
Главный противник
Серия «Мир Вечного Полдня», книга 5

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124436
Главный противник: Эксмо; Москва; 2002
ISBN 5-699-01656-2*

Аннотация

Первые сражения с хозяевами Полдненья люди выиграли. Чужаки, неведомыми путями попавшие на поверхность Сферы Дайсона, за несколько лет они обжились и даже обрели союзников. Но война не окончена. Новый мир не покорен. Полуразумные орды его обитателей поднимаются, чтобы уничтожить саму память о пребывании человечества на негостеприимной земле. Начинается новая война.

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	34
Часть II	41
Глава 7	41
Глава 8	47
Глава 9	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Николай Басов

Главный противник

Часть I

Дар аймихо

Глава 1

Осень еще казалась золотой сказкой, порой сытости, всеобщего изобилия, ленивого веселья. Она еще не повеяла сыростью, пусть и Полдневыми, но все-таки ветрами с моря. Огромная масса воды, подвешенная чуть не наклонно, словно стена пологой чаши сразу за берегом, еще не дохнула промозглым холодом. Она оставалась теплой и дружелюбной, и рыба, выловленная по ночам, грела руку.

Ростик, который пытался уже в который раз научиться вязать из травы мешки, чтобы было во что складывать урожай, с возрастающей завистью посмотрел на Винторука. Тот творил чудеса, одной лишь правой рукой и зубами плетя три мешка за время, которое требовалось Росту для того, чтобы сотворить – другое слово было бы неточным – всего половинку кривой, почти наверняка непрочной конструкции, каковую другие обитатели Храма лишь из вежливости именовали благородным термином «мешок».

Рост вздохнул и перевел взгляд на гору фасоли, сваленную перед входом в Храм. Она была велика, так велика, что полусотни мешков, которые уже имелись, наверняка не хватит.

– И как у тебя получается? – проговорил Рост уже с явной досадой, принимаясь за сплетенные плотными косичками травяные нити, которые постоянно грозили запутаться.

– Нров... к, – объяснил Винт.

– Не «нров», а сноровка, – поправил Рост. Но на Винта не подействовало, он лишь широко ухмыльнулся, обнажив огромные желтоватые зубы, а для полноты картины даже приподнял дневную пленку с огромных темных глаз.

– Так, – согласился бакумур и принялся перегрызать слишком длинные нити.

Рост вздохнул и отложил свое... рукоделие. Следовало признать, что даже без руки и ноги Винт в хозяйстве был полезнее, чем он, бывший старлей человечества, оказавшийся в ссылке. А может, так и должно было случиться? Он все-таки офицер, а не крестьянин. Хотя, если подумать, сейчас-то он как раз крестьянин.

Бакумурские детишки, которые должны были отпугивать иглохвостых попугаев, в несметном количестве налетевших невзвесть откуда за последнюю неделю, подозрительно затихли. Значит, что-то почувствовали. Рост оглянулся на трех пурпурных, которые прибились к его Храму пару лет тому назад да так и поселились в его удивительной, ни с чем не сообразной коммуне. Все трое: и Висам, немного нытик, но исполнительный и добрый парень, и Дак из породы пурпурных гигантов, и Гвета, очаровательная девушка совершенно человеческой внешности, которая в последнее время стала слишком заметно строить глазки не только обоим своим приятелям, но и Росту, – послушно, как им и было приказано, лущили стручки. С этой стороны никаких волнений не ожидалось.

Тогда Рост посмотрел за угол всего сооружения, в сторону моря. Там у берега, в летней кухоньке должна была возиться с готовкой Кирлан, старшая жена Винта. Она оказалась на месте, перебирая вкуснейшие сентябрьские раковины, из которых варила на малом зеркале

суп и что-то еще творила с недавно выкованной сковородой, от которой валил такой пар, словно Кирлан вознамерилась через весь залив подавать сигналы пернатым.

Берега бегимлеси, кстати, все равно не было видно, туманная подушка над морем скрывала даже Одессу, которая находилась по прямой всего-то в восьмидесяти километрах через заливчик, в последнее время облюбованный Фоп-фалла. Обитая рядом с городом, он так раскормился, что краев его было не видеть. Ким во время последнего прилета рассказывал, что специально пытался замерить Фоп-фалла, но это ему не удалось... Что же, зато рыболовям, когда они задумывают «посетить» Храм, нелегко прорваться. Для них это становится возможным, только если Фоп-фалла уходит к Одессе, направо, тогда слева, от дварского берега возникает прямая дорога к Храму, и их рожицы появляются у самых ступеней, древних, как и основание Храма, уходящих в воду. Хотя зачем, для кого все это было построено? Не понять. Слишком мало Рост знал о Полднестве.

Когда они с Евой впервые нашли эти развалины, позже превращенные, вернее восстановленные как Храм, они эти ступени не заметили. Их расчистили позже, и вела лестница с берега глубоко под воду, словно это имело какой-то практический смысл. Кстати, чистить ступени пришлось Росту, что он и сделал в одиночку, потому что работать рядом с Фоп-фалла бакумурские женщины побаивались, а Винт не мог, так сказать, по техническим причинам. Да и вообще, волосатики не самые большие поклонники морских купаний. Вот под водопадом – другое дело, могут плескаться часами.

Внезапно издали донесся чей-то отчаянный вопль. Рост нащупал на бедре пистолет и пошел в сторону крика. Винт уже топал сзади, он-то услышал эти звуки, конечно, гораздо раньше и обо всем уже догадался. Поразмыслив, что бы это могло быть, догадался и Рост.

Едва они взобрались на верхушку песчано-ракушечной дюны, закрывающей часть суши от Храма, все окончательно прояснилось. Ждо, молодая жена Винта, волокла за специальный ошейник ящерокорову. Это было обычным делом. Даже после того как урожай был собран, на поле осталось достаточно ароматных стеблей, чтобы эти страховидные, но добродушнейшие на свете существа выбирались из своего сумрачного леса и принимались лакомиться. А по старинной договоренности корова, перешедшая обозначенную камнями бог весть сколько тысячелетий границу, становилась добычей Храма. Они, конечно, этих коровок не убивали, тем более осенью, когда редкая из них не ожидала приплода, но подоить могли. Вот только...

Все равно нужно разобраться, решил Рост и зашагал навстречу Ждо. Винт, понимая, что сейчас что-то будет, заторопился следом на своей деревяшке. Когда до волосатой женщины осталось чуть более ста метров, Рост начал свою речь:

– На этот раз, Ждо, ты перешла всякую границу. Я ведь просил тебя...

Волосы на голове Ждо шевельнулись, и из них возникли высокие уши, чем-то похожие на уши овчарок. С такого расстояния она не только услышала слова Роста, но и безошибочно определила их интонацию.

– Сколько раз я просил тебя не приманивать этих несчастных коров?

– Чму н-част Ны? – удивился Винт сзади. Как всякий мужчина, он пытался взять часть начальственного гнева на себя.

– Н-ны, – сказала Ждо и покрутила головой.

До нее оставалось уже метров семьдесят. Может, у меня тоже слух обостряется, подумал Рост. Несколько лет назад ему и в голову не пришло бы заводить разговор на таком расстоянии.

– Ты хочешь сказать, что не приманивала эту корову?

– Аха, – согласилась Ждо.

– Тогда почему... Нет, ты объясни, пожалуйста, почему у тех коров, которых приводишь с пастбища ты, всегда полные вымя? – Ждо вдруг захихикала и даже поднесла ладони

к щекам, обозначая смущение. Рост оглянулся. Винт был рядом, он все мог объяснить. – Ждо, ты чего?

– Мы просм «жалу-ста» тол-ко для лубов, – объяснил Винт.

Рост осознал свою ошибку. М-да, формы вежливости не выветриваются слишком легко, у разных рас разный этикет, вот и возникают накладки... Или волосатики просто сбивают Роста с темы?

– Давай так, если все четыре вымени у этой коровки полны, я тебя посажу на кухню до конца недели, а если пусты, то попрошу прощения.

– Не н-да к-хни, – отчетливо объяснила Ждо.

До нее оставалось уже метров двадцать. С такого расстояния, несмотря на то что ящеророва все время пыталась сорваться с кожаной петли, даже Рост, не слишком просвещенный в ящерной анатомии, видел, что соски, пожалуй, скорее полураскрыты, чем плотно сжаты. Это значило, что молока в каждом вымени, спрятанном под прочную, чешуйчатую кожу коровки полным-полно.

– Как же тогда тебя остановить? – спросил Рост.

– Не н-до стан-вт, – высказался Винт. Он уже отстал довольно сильно, его было плохо слышно.

– Ведь это ничем не лучше воровства, – пояснил Рост с отчаянием в голосе. – Понимаешь, Ждо, это воровство.

– Вкс-но, – мечтательно произнесла Ждо. Она обожала молоко ящерокоров, причем не первое или второе, а именно третье и четвертое.

– Ладно, веди ее в стойло, – покорился Рост. Про себя он подумал, что теперь ему придется встречать Арнака, разведчика дваров, которого ящеры чаще всего посылали освобождать коров. При этом, разумеется, придется обряжаться в доспехи, потому что воин не может не быть в доспехах, придется поить его сидром из дикого боярышника. Иначе Ждо не успеет додоить корову досуха и будет дуться... В общем, проблем теперь было больше, чем хотелось бы.

Или он привык к слишком спокойной жизни за те четыре года, что появился тут и устроил эту ферму? Ферму, возведенную на фундаменте старого Храма, которая стала новым Храмом. Вот только бы еще выяснить, Храмом кого или чего?

Корову отвели в стойло, Ждо и Кирлан принялись сразу доить ее, потому что из-за маленьких сосков ящерокоров этот процесс требовал массу времени. А позже, убедившись, что корова не просто полна, а прямо-таки переполнена молоком, Рост послал им в помощь еще и Гвету. За ужином пришлось присматривать Винту с одной из дочерей. А Рост занялся чисткой доспехов, подготовкой оружия, проверкой крепости пресловутого сидра... Но все пошло совсем не так, как он предполагал.

Чуть позже на горизонте появилась одинокая фигура. На немалом расстоянии от нее виднелись еще какие-то точки, видимо, панцирные шакалы, но нападать они не торопились. А некто, идущий краем моря, страха не выказывал. Рост хотел было сходить навстречу неизвестному пока путнику, чтобы помочь, если он в этом нуждался, но тут со стороны дварского леса появилась целая процессия. Это было уже серьезно, с этим приходилось считаться больше, чем с одиноким Арнаком, Рост объявил тревогу и приказал закрыть ворота.

Двары подошли к Храму, как всегда, подняв ружья вверх. Они находились на «заявленной» камнями территории и потому не должны были нести оружие на изготовку. Зато Рост мог демонстрировать какое угодно недоверие, разумеется, в пределах разумного. Потому что убедился давным-давно: как только двары осознали, что их драгоценным коровам тут вреда не наносят, лишь доят по всем правилам и даже с уважением к драгоценному молоку, нападать на Храм они не собирались.

Когда до воинов, закрытых мощнейшими доспехами из кованого дерева, от кучи фасоли осталось метров тридцать, Рост выстрелил из своего ружья, старательно прицелившись, чтобы не задеть кого-то из гостей, но чтобы выстрел лег в трех метрах от их ног. С плохим стрелком они бы просто не стали дело иметь. Процессия послушно застыла. Это было обычно. Необычно было то, что от нее отделился не один Арнак, которого Рост узнал по характерным доспехам без крылышек на плечах и бедрах, а трое. Двое из них были Росту не знакомы.

Рост подождал, пока они подойдут на расстояние метров пятнадцати к воротам, и снова выстрелил под ноги Арнаку. Тот снял шлем, улыбнулся на чудовищный дварский манер и дернул подбородком, что означало аналог человеческой привычки кланяться. Этот обычай здороваться поклонами Рост придумал давным-давно, это было лучше, чем пожимание рук, – относительная сила Полдневных существ была слишком разной, чтобы сделать рукопожатие универсальным.

Рост тоже снял шлем. Он стоял на втором этаже, в широком проеме между двумя мощными колоннами, способными выдержать даже выстрел из пушки двадцатого калибра. Его должно было быть видно по поясу, а больше для начала и не нужно. Это потом, когда клятва мира будет произнесена, можно будет спуститься.

– Кто вы и зачем? – Двары его слов, конечно, не понимали, но действовали по привычной схеме, оправдавшей себя.

– Арнак, – знакомый разведчик шлепнул себя по гулкой кирасе на груди. Потом повернулся к соседу справа. – Квир, вр... – дальше следовало что-то непонятное.

– Что? – шепотом спросил Рост.

– Вжд, – пояснил стоящий за колонной на расстоянии вытянутой руки Винторук.

– Пагрд, – стукнул по плечу левого Арнак. – Рв.

– Шамн, – перевел Винт.

– Шаман, – поправил его Рост. И улыбнулся, стараясь не расплескать старательно напущенной на себя суровости. – Рост, люд.

Оба спутника Арнака тоже сняли шлемы и дернули подбородками. Тогда Рост поклонился, почти до высоты бруствера. И добавил главное слово, с которого начиналось перемирие:

– Л-ру.

Все трое тоже подтвердили, что, мол, «л-ру». Слово это было ключевым, оно означало мир. И человек или нечеловек, произносящий его, признавал, что не пустит в ход оружие, не нападет без оружия и вообще не собирается нападать. Рост удовлетворенно кивнул, попросил Дака вытащить стеклянное ведро с сидром на двор, подхватил пару черпаков и вышел к гостям. Сначала он предложил черпак с сидром Арнаку, но тот кивнул на вождя Квира. Тот выпил с удовольствием. Передал шаману. Пагрд, или как там его, выпил три черпака разом, не скрывая блеска в глазах, при этом, однако, ухитрившись снова натянуть на голову шлем, чего вождь, однако, не сделал, наверное, чтобы пить было удобнее. Тогда Рост тоже выпил, правда поменьше, чем гости, потому что сидр, что бы про него ни говорили пурпурные, которые его, собственно, и изобрели, был куда крепче пива.

Потом пошел разговор о деле. Арнак выпил еще один ковш, показал рога на голове и изобразил пронзительный вопль ящерокоровы. Рост кивнул, согласился, что да, зверь у него, и показал, что его доят. Жрец объяснил, что делать это нежелательно. Тогда Рост, сообразив, что дружба не налаживается, приказал Даку вынести еще один ковшик, на этот раз простой, деревянный. Его Ростик взял себе, а торжественный стеклянный, который изготовил именно для таких встреч, передал, ополоснув в кадке с водой, шаману. Тот принялся за выпивку с восторгом и уже не говорил, что в этом мире нежелательно доить коров.

Через пять минут актерских упражнений, когда Рост передал и свой ковш Арнаку, который в этой тройке был младшим по чину, было решено, что нужно подождать. Если корову уж начали доить, то дело следует довести до конца. Против такого аргумента ни вождь, ни шаман не возражали. Потом от шеренги вояк отделился один из дваров, он проревел заветное слово «л-ру», получил из рук Арнака черпак и выпил сидра. Потом еще... В общем, через час, когда сидр пришлось выносить еще два, среди солдат ящеров не было ни одного, кто бы не попробовал напитка из стеклянного ведра. А Рост думал, что если так пойдет дальше, то выдаивание коров станет разорительным делом... Впрочем, нет, это всегда будет выгодно. Потому что обменный сидр куда более простой продукт, чем молоко. А еще такие выпивки подтверждали, что между соседями царит добродушная терпимость, от которой и до откровенного приятельства недалеко.

Вот тогда-то в пределах Храма появилась та самая фигура, которую Рост заметил на берегу. Это был бегимлеси, одинокий и израненный. Но несомненно цивилизованный, из городов, а не из стай пернатиков, которые жили на равнине по ту сторону Олимпийской гряды. Он доказал это, прошептав пересохшим клювом священное слово, и тем, что снял грудную пластину. Более веского доказательства миролюбия у пернатых не водилось.

Путником пришлось заняться всерьез, его напоили водой, поднесли миску разваренной фасоли, потом Кирлан принесла котелок горячего супа из ракушек... И лишь тогда сообразили, что двары остаются слишком долго без присмотра. Но тем присмотр был и не нужен. Они отошли к куче лущеной фасоли, расселись вокруг ведра и, без всякого стеснения закусывая Ростиковым урожаем, приглушенными рыкающими голосами без намеков на чины и звания травили... если не анекдоты, то уж точно, охотничьи байки.

Пернатик, который назвал себя Шипириком, что бы это имя ни значило, выглядел скверно, в любом случае не так, как обычно выглядели бегимлеси, поэтому пришлось прибегнуть к последнему средству – послать за молоком ящерокоровы. На это распоряжение к путнику явилась сама Ждо. Она осмотрела его и заявила, что поить его первым молоком неразумно, а вот второе будет в самый раз. Ростика это не очень огорчило, а вот пернатый, кажется, ничего не понял, просто выпил с четверть литра белесой жидкости, и ему стало лучше, причем почти сразу. Что для второго молока было необычно.

Рост уже заподозрил было симуляцию, как вдруг Винторук поднял уши. Это было неожиданно. Своими ушами он мог слышать звуки на расстоянии до пяти километров, а по ночам и дальше. Уже в который раз Рост пожалел, что не может видеть степь за дюнами. Там что-то происходило, а он даже не знал, что именно. Впрочем, ждать оставалось недолго, это было видно по Винту, по тому, как подобрали оружие двары, как оживился обычно флегматичный Висам.

И вот за час до того, как должно было выключиться солнце, и до того, как Ждо должна была отдать плененную корову, из-за верхушки дюны, упирающейся, казалось, в серое Полдневное небо, появился... Рост не поверил своим глазам – боевой летающий крейсер людей, черный треугольник. Именно его котлы, резонируя под тяжелым корпусом, насторожили Винторука. По сравнению с этой машиной обычный гравилет двигался совершенно бесшумно.

Крейсер прошел над Храмом, развернулся над морем, повисел на месте и вдруг бочком, стараясь не задеть спящих перед Храмом существ, приземлился на пляже, взметнув вихри песка. Пандус черной машины откинулся, на нем появились человеческие фигуры. Они сошли на землю, Ростик принялся считать. Раз, два... четыре, когда же это кончится, пять... Все, после пятого человека пандус захлопнулся, машина, снова взвихрив песчаные столбы, поднялась в воздух и ушла к Одессе, прямо через море.

Пять человек шагали к Росту, выступившему в полном вооружении, – так уж получилось – им навстречу. Они казались ему... не очень привычными. Должно быть, он уже

стал полагать нормой волосатиков, губисков, дваров и даже викрамов. А вот люди... они были слишком редкими гостями тут, чтобы привыкнуть к их внешности.

И в то же время Рост узнавал их. Да и как было не узнать, ведь к нему шагали все известные персоны – Дондик, ставший командиром в Одессе, старшина Квадратный, который автоматически топал с ним в ногу даже по песку, Антон, осматривающийся по сторонам так, словно сию секунду вернулся на Землю, широко улыбающийся Ким. И Ева.

Вышагивая чуть в стороне, она потряхивала своей рыжей гривой. Это было признаком неуверенности. Но как раз ее-то Рост был рад видеть больше всех. Потому что помимо того, что она являлась пилотом одного из человеческих крейсеров, то есть была офицером, она стала подругой Ростика, после того как от него ушла Любаня. Поэтому Рост вправе был на что-то в этом плане рассчитывать. И был счастлив.

Глава 2

Вся компания довольно скоро оказалась в доме. Кроме, конечно, дваров, которые, получив свою корову, с сожалением убедившись, что выдоена она досуха, чуть разболтанной походкой удалились в сторону леса. Пока Рост распоряжался, устраивая достойную, по его мнению, встречу нежданных гостей, пока женщины собирали в большом зале угощение, Рост водил по Храму Дондика, Квадратного и Антона, а заодно уж и примкнувшего к ним Кима, хотя в отличие от этих троих он бывал тут едва ли не чаще, чем Ева.

Еще к ним присоединился невесть откуда взявшийся Шипирик, пернатик, которого Ростик видел первый раз в жизни. По крайней мере, ему так казалось. Существовала, конечно, вероятность, что Шипирик видел Роста раньше, но это уж было делом пернатого. Кстати, вел тот себя с достоинством, легко ступая следом за людьми, послушно наклоняясь перед притолоками и поворачивая небольшую куриную голову перед наиболее интересными объектами, чтобы взглянуть на них то одним глазом, то другим. Росту было не жалко, никаких существенных угроз от этой экскурсии возникнуть не могло, а ему почему-то казалось, что такое вот внешнее уравнивание пернатого с людьми будет разумно, хотя и не понятно, почему следовало так уж считаться с бегимлеси.

Храм Дондику и Антону нравился, это было видно сразу. Они с удовольствием завязых вояк, понимающих толк в запасах, оценили и кучу фасоли перед домом, и пару сараев на берегу, и летнюю кухню, где возились бакумурши, и толщину каменной створки на входе в Храм, и крепость стен, и глубину подвала. В подвале похвалы высказались уже вслух.

– У тебя тут не просто вода, а считай, канализация, – удивился Дондик.

– Это старые строители постарались, – признался Рост, – я только русло почистил. И конечно, сток пробил, чтобы... гм, отходы быстро эвакуировались.

Антон осмотрел три водных отделения.

– Первое с питьевой водой, второе – душ, а третье... гм, для отходов?

– Сортиром, – ухмыльнулся Ким, – это по-русски называется.

– Я понимаю, – серьезно согласился Антон. – Так вы что же, все в один сортир ходите?

– Что значит в один? – удивился Рост. – А, ты говоришь о волосатиках?

– И волосатых, и пернатых, – Антон покосился на Шипирика, – и дварах этих.

Рост подумал и, кажется, осознал.

– Нет, Антон. И двары, и, – взгляд мельком на нового знакомого, – Шипирик обычно тут не живут. Они, если так можно сказать, появились случайно, как я надеюсь, только на сегодня.

– Как так? – Лицо у Дондика стало каким-то утонченным, но малоподвижным, словно он, много пережив в последние годы, научился окончательно подавлять в себе любое проявление эмоций.

Рост объяснил про ящерокорову.

– Стоп, – отозвался Ким, – теперь уже я не понял. Так эта корова забрела или не забрела на твое поле?

– Понимаешь, – Рост почесал затылок, – она не совсем сама забрела... Нет, технически, конечно, корова как бы появилась сама, но на самом деле ее приманила Ждо. Она любит их молоко, работать по хозяйству не очень горазда... Вот и призывает к себе бедную ящерокорову, чтобы та вошла на нашу территорию и мы получили на нее определенные права. В частности, могли ее подоить. При этом Ждо, получается, как бы работает.

– Как «призывает»? – переспросил Ким с выражением терпеливого учителя, пытающегося добиться от ученика хотя бы подобия нужного ответа. Видимо, он много времени проводил с молодыми пилотами.

– Теперь я понял, чего ты не понял... – ответил Рост. – Так она же «шептунья». И может управляться с животными телепатически. Она вообще странная немного. Пробовала приручить панцирных шакалов, те на нее сначала нападали, теперь просто боятся, как огня, и удирают, едва завидят. Она перешла на гиеномедведей, но вот незадача – они агрессивны очень. Была ими покусана, и не раз, хотя, как вы видели, не до смерти – и на том спасибо. А с ящерокоровами у нее, выходит, и очень здорово. Было время, она по три-пять коров зараз вызывала... В общем-то ее бы использовать на пастбище, да вот пасти некого. Ни овец, ни даже коз тут нет. Пробовали приманить стадо трехгорбых жирафов, но этим нужны кусты, чтобы пастись, а у моря такой растительности мало, одна трава.

– Ясно, – решил Дондик, – странная, не потому что телепатка, а потому что не сумела приручить гиеномедведей.

– Конечно, – удивился Рост, – ведь с самого начала было ясно, что не получится. – Неожиданно он воодушевился. – Вот когда я разбогатею настолько, что заведу себе экраноплан, обязательно смогаюсь к дальним островам, может, удастся овец выкрасть.

Антон и Дондик переглянулись, но ничего не сказали, только подумали.

– А зачем тебе три кладовки? – спросил Ким.

– В одной фасоль, зелень и лук, другая – для сидра, солений и маринадов в бочках, как в настоящем замке, в третьей – ледник для окороков, рыбы и молока. Разные, так сказать, температурные и влажностные режимы.

– Кстати, – поинтересовался Квадратный, – чем у тебя там пировали двары?

– Сидром, – признался Рост. – Мы его опробуем сегодня, свежего, недавно сварил... Ладно, топаем вверх. Покажу, как я организовал оборону.

Они поднялись по лестнице на первый этаж.

– Тут, понятно, и зал, и зимняя кухня, и тамбур на случай обороны. На большее места не хватило.

Квадратный посмотрел на световой люк, устроенный в потолке, одобрительно кивнул:

– Чтобы окон снизу не делать... Разумно.

– Ширская конструкция, – объяснил Рост, – очень удобная. Можно открывать в летние месяцы. Зимой, конечно, лучше факелы использовать, свет и тепло одновременно. Ширы с махри вообще оказались молодцами. Когда я в первую осень к ним притащился, они не выгнали за ворота своего города, а наоборот, выделили мне целую команду червеобразных, и уже к первому снегу я был готов зимовать тут.

– Так ты все это... уже четыре года назад выстроил? – удивился Дондик.

– Да, в первую же зиму... ссылки, так сказать. Мне осталось только едой запастись, но я дичиной вышел из положения. С Ждо охотиться несложно оказалось, она зверей за десяток километров чувствует.

– А за фасолью к нам ходил, – проговорил Дондик, – в Одессу.

– К кому же еще? – удивился Рост. – Ты меня хотел еще закабалить...

– Я хотел тебя пригреть, – возмущенно проговорил Дондик, – не думал, что из тебя такой вот образцовый фермер получится. Думал, в городе тебе будет привычнее.

– Спасибо, – искренне сказал Рост. – Только я не верил, что, живи я в Одессе, про меня так быстро бы забыли.

– Предположим, не так уж и быстро, – отозвался Антон. – Четыре года – немало по здешним меркам.

– По любым меркам, – вставил Ким.

– Да, – согласился Рост и почему-то вздохнул, хотя совсем не считал эти годы выброшенными из жизни.

– А я бы сказала, – отозвалась Ева, которая уже почти устроила пиршественный стол в центре большого зала, – что и не забыли совсем.

– И все-таки, – поинтересовался Дондик, – как тебе удалось так замаскироваться, что только сейчас я узнал, где ты обитаешь? Ведь специально первые три года расспрашивал отряды разведчиков, не встречали ли они тебя? Нет как нет, пропал парень, словно провалился.

– Они никогда не подходят так близко к лесу. И правильно делают, кстати. Тут уже, что ни говори, а зона влияния дваров. Это опасно, ящеры могут свои пушечки в ход пустить, если под горячую руку попадешь.

– А тебе как удалось... с ними? – спросил Квадратный.

– Случайно, – признался Рост. – Дело в том, что вокруг этого Храма, как, наверное, вокруг других подобных, камнями обозначена зона мира. Вы такие видели вокруг Чужого.

Антон кивнул, он их, наверное, вспомнил.

– Вот в пределах этих камней я и оказался главным... Поскольку Храм отстроил. Разумеется, после того, как укрепился. Если бы я не выставил систему защиты, меня бы, разумеется, вышибли. Без всяких разговоров. Двары – ребята серьезные.

– Поэтому они у тебя теперь сидр квасят? – ехидно поинтересовался Ким.

– Я считаю, пусть лучше сидр пьют, чем стреляют, – признался Рост. – Тем более что раньше они за коровами одного разведчика присылали, а теперь вот целой командой решили...

– Я не понимаю, что это за молоко такое? – поинтересовался Квадратный.

– Многие не понимают, – поддержал его Антон.

– У этих ящерокоров, – объяснил Рост, – четыре вымени. Одно – сразу под головой, на груди, второе уже ближе к пуповине...

– Они живородящие? – спросила Ева, не отрываясь от стола.

– Иначе откуда бы у них было молоко? – ответил Ростик. И продолжил: – Третье вымя под пуповиной, а четвертое между задними ногами, как у наших коров. Только вымя эти не выходят наружу, а расположены внутри, и доить ящерокоров – оч-чень нелегкое дело. Но зато молоко у них – нектар и амброзия. А второе молоко, и особенно первое, из самого маленького вымени, обладает целебными свойствами. Причем для всех существ. – Он подумал и решил пояснить: – За первое молоко пернатые, например, готовы платить любую цену. Они из него какую-то мазь делают, гангренозные раны за день затягиваются.

– А почему вокруг него такие страсти разгораются? – поинтересовалась Ева.

– Для того чтобы наполнилось первое вымя, нужно ждать в лучший период около месяца, а вообще-то еще больше. Второе вымя можно опорожнять раз в две недели, иногда в десять дней. Третье наполняется дней за пять. И лишь четвертое – дня за два. Так что...

– Понятно, – за всех ответил Дондик. Его эти фермерские сложности не интересовали.

Они поднялись на второй этаж. Тут Рост показал ребятам, как в центре спален сделан световой люк, а по всему периметру устроены узкие, чтобы только ствол ружья выставить, бойницы, выведенные наружу конусом, чтобы расширить угол обстрела.

Квадратный походил по этажу, повыглядывал в бойницы, сделал вид, что прицеливается.

– Высоковато, – покачал головой он. – Под твой рост, Гринева. А если будут другие стрелки?

– В тот момент не подумал, – виновато пожал плечами Ростик, – а теперь переделывать лень. Хотя и возможно.

– Во время боя, – заговорил Антон, – из этих спален можно и лазарет сделать. И оружие хранить... Я вижу, ни одна из них не простреливается через бойницы.

– Так и задумано. Только до арсенала мне еще далеко, ружьем всего... три. И патронов мало, самодельные плохо горят, а в Одессе обменивать неудобно, у них самих...

– Почему? – спросил Дондик. – Для хорошего человека...

– Я слышал, у вас на стрелка не больше двадцати штук стали выдавать. Вот и сделал вывод.

– Больше не нужно, – улыбнулся Дондик. – А арсеналы-то у меня полны.

Видимо, он уже считал Одессу «своим» городом. И навсегда, пожалуй, отметил Ростик. Почему-то ему второй раз за этот день стало казаться, что он зря так безвозвратно похоронил себя тут. Выслушивая новости, поставляемые во время приездов Кимом или Евой, у него подобного ощущения не возникало. Наоборот, он думал, что здорово устроился. И лишь теперь...

В молчании хозяин и гости поднялись еще на этаж. По сути, он являлся уже чердаком, только активно используемым и, разумеется, имеющим оборонительное значение.

– На третьем этаже у нас тоже кладовки – яблоки, сушеный боярышник, вяленая рыба, – стал показывать Рост. – И четыре башенки по углам, для обстрела ближних подступов. Конечно, столько стрелков и пушек у меня нет, поэтому они большую часть времени закрыты ставнями.

Антон подполз на корточках в угол крыши, добрался до башни, выпрямился и снял один ставень. Посмотрел, вздохнул с видом удовлетворенного инспектора, поставил ставень на место.

– Не хлипкие у тебя заслонки? – участливо спросил он. – Что-то легковаты.

– Пористые, – пояснил Рост. – Чтобы в одиночку снимать-ставить.

– Вот я и говорю, легковаты. Знаешь, что пористый камень в двадцать сантиметров прошибается выстрелом с пятого, если десятым калибром молотить?

– Что прошибается, не знал, – признался Рост. – Хотя у меня там не двадцать, а чуть побольше. Да и стрелять для этого нужно так, что... В общем, ставни эти мало что решат, слишком там бойницы неширокие. Лишь мертвые зоны под самыми стенами простреливаются. А главная пальба пойдет оттуда, – он указал на верхнюю башню, сделанную в середине.

Естественно, пошли туда. В башне была сооружена массивная каменная турель, правда, без пушки. И обзор возникал такой, что уже никакие дюны степи не закрывали.

– Обжитое место, – с легкой завистью вздохнул Ким.

– Каждую ночь тут кто-нибудь из волосатиков дежурит, – продолжил «экскурсию» Рост. – А если я в отлучке, наблюдение ведется круглосуточно... Согласись, жалко было бы все это потерять по глупости.

– Соглашаюсь, – на этот раз Ким улыбнулся. Прикинул, как ему ляжет прицел, если на станине будет пушка. Оказалось, чуть высоковато. – Опять под себя делал. И подъемника под сиделище стрелка не удосужился устроить.

– Такое было время, – признал Рост. – Только на себя надеялся.

Внезапно что-то проклекотал Шипирик. Все люди, кроме Роста, замерли. Но он, на правах хозяина, проследив жест странных рук пернатого, понял, о чем был вопрос. И пояснил больше жестами, чем словами. Хотя и словами тоже.

– Нет, – он потряс головой и изобразил волнообразное движение рукой, – от китов я отбиваться не собираюсь. А вот по антиграмам, – он показал на пальцах антиграм, – придется бить, сняв эту крышу. – Он указал на швы, расходящиеся, если разомкнуть каменные щеколды и сдернуть мощные черепицы. – Башня вообще-то крепкая, но ее можно разобрать, понимаешь? – Почему-то он говорил громче, чем обычно.

– А это не опасно, – поинтересовался Квадратный, – объяснять потенциальному врагу свои возможности? У них ведь тоже летуны есть.

– Не знаю, – с беспечностью улыбнулся Рост, – я так давно уже ни с кем не воевал, что и забыл, каково это – опасаться кого-то... Кроме людей, конечно.

– То-то у тебя каждую ночь пост выставлен, – пробурчал Антон. – Небось еще и проверяешь его?

– А как же? – удивился Рост. – Конечно, проверяю.

Снизу, как из погреба, донесся голос Евы:

– Мальчики, мыть руки. Будем ужинать.

И в этот момент погасло солнце. Вообще-то Рост уже давно ожидал, что оно выключится, но, видимо, небрежно пересчитал коэффициенты, вот и ошибся. За ним это водилось.

Все пошли вниз, негромко переговариваясь, в целом скорее одобряя заведенную систему обороны, чем полагая ее слишком легкомысленной. Да, решил Рост, в Полдненье легкомыслие – порок. А вот даже откровенно перестраховочные решения никогда никем не будут осуждаться. И ничего не поделаешь – так устроена нынешняя жизнь, и не только людей. Однако хорошо ли это? Не признак ли все усиливающейся трусости?

За столом, когда все расселись, воцарилась напряженная тишина. Потому что следом за Ростом и Евой уселись и пурпурные, и волосатые, и, разумеется, Шипирик. Наконец, Дондик не выдержал:

– Они что же, с нами будут ужинать?

– Да, – спокойно ответил Рост. – Объяснение простое. Когда я пришел в Чужой город, меня сразу стали сажать за стол со всеми. И я решил...

– Понятно, – кивнул Квадратный. – Я ничего не имею против.

– Ну, если тут так заведено, – вздохнул и Антон.

А они изменились, решил Рост. Да и я тоже. Раньше мне пришлось бы нести какую-то чушь про отсутствие классовых барьеров... А теперь они полагают себя лучше других, по крайней мере, хотели бы есть отдельно, по-господски.

– Тут никогда и не было по-другому, – сказала Ева, разливая суп из ракушек. – Я уже и внимания на это не обращаю.

– Неужели каждый может выйти из степи, – поинтересовался Дондик, принимая тарелку, – и ты его усадишь за стол?

– Не каждый, – признал Ростик. – Но того, кто произнесет «л-ру», без сомнения сразу усажу, только попрошу руки вымыть. И то в самом крайнем случае.

– И рыболодей? – поинтересовался Антон.

– Им-то, кстати, руки мыть не обязательно, – ехидненько добавил Ким.

– С них все и пошло, – признался Рост, принимаясь за еду. – В первую зиму как-то у меня на ступенях в воде оказался один викрам. Был он израненный, то ли на акул нарвался, то ли его Фоп-фалла невзлюбил. А к тому времени у нас уже было немного молока, потому что мы пару раз опробовали этот трюк с коровами. Понимаете, хранить мясо мы еще толком не научились, вот и делали фарш, добавляя туда немного второго молока, и мясо было – загляденье. Ну вот, отпоили мы этого викрама первым молоком, он уже через день ожил и на третий день вообще уплыл. А еще через месяц, для нас как раз самые трудные дни настали, – мы уж думали личинки насекомых из земли выкапывать, – приплыла от них целая делегация и приволокла... Не помню точно, наверное, с полтонны отличной местной кефали. Тогда я и смекнул, – Рост постарался как можно убедительнее улыбнуться гостям, – что тут через еду заключается мир. Как у арабов через воду, или у германцев в старину, сменявшись ножами.

– Я не знал, – коротко проговорил Дондик.

– Так и пошло. Викрамы приходили ко мне за молоком, притаскивали уже не столько еду, сколько металл, разные изделия...

– Например?

– Вот бочонки для молока и сидра, вы думаете, я из дерева строгаю? Шиш бы у меня что-то путное получилось. Мне викрамы такие раковины приносят, они их как-то размяг-

чают, разворачивают, потом склеивают, и получаются емкости, литров до ста вмещается. И не портится ничего.

– А пернатые? – спросил Антон.

– Эти вообще мастера по стеклу, по козам, по тканям. И веревки у меня от них. Сети опять же...

– Здорово ты устроился. – Ева стала всем раскладывать фасоль с мясным рагу. – Осталось только рыночные дни ввести, и живи, как в Сорочинцах.

– Примерно так и получается, – согласился Ростик. – Иначе я бы, наверное, не выжил. Или остался бы производителем одной фасоли.

– Наверное, все дело в исключительном положении Храма, – проговорил Ким, как всегда, уплетая все подряд с отменным аппетитом.

– Не только, – высказался Квадратный. – Рост и сам не зевал, а развивался.

– Да ничего я не развивался. Просто жил со здравым смыслом...

– Вот и я о том же.

– Двары могут поставлять, наверное, латекс для патронов, древесину, – Дондик оглянулся, – я где-то видел у тебя цельнодеревянную мебель.

– В спальне, – пояснила Ева.

– Да, правильно.

Рост наелся, кажется, впервые за весь день. И осмотрел стол. Это было странно, но в то же время совсем не удивительно. Люди ели наравне с пурпурными, которые, как всегда, уселись на самый дальний конец стола, волосатики, по своему обычаю, перекладывали друг другу самые лакомые куски и почти не обращали внимания на пернатика, с которым вне этих стен скорее всего попробовали бы воевать.

– Десерт будет? – спросил Ким.

– Будет, – признала Ева. – Настоящая манная каша! Я привезла немного манки... Вот только молоко пришлось брать от ящеров.

– Св-же, – пояснила Ждо.

– Верно, – согласилась Ева, – зато свежее. Не из твоих хваленых раковин.

– А со своей стороны я обещал сидр, – добавил Рост, понимая, что расслабляться еще рано, но все-таки ощущая, как все глубже погружается в облако благодущия и редчайшего для него самодовольства.

– После каши, – решительно приказала Ева. – Я не дам испортить свой кулинарный шедевр.

Каша с медом понравилась, конечно, всем. Это было что-то такое, от чего даже Дондик почмокал языком.

– Ладно, – проговорил наконец Ростик, которого стали одолевать сомнения. – Я показал и рассказал вам все, что имею и знаю. А вы-то почему тут?

– Все просто, – Дондик немного нахмурился. – Приехали тебя по-дружески предупредить.

– Вот как?

– Месяц назад в Боловск вошел караван, – продолжил Квадратный, потому что Дондик больше ничего не говорил. – Людей... Вернее, аймихо – так они себя называют. Но они совсем как мы, даже общие дети, кажется, возможны. – Он подумал, прикончил остатки своей каши, посмотрел на Ростика. – Давай сидр.

Рост кивнул Киран, она поднялась, поправила фартук и ушла, чуть неуклюже переставляя слишком большие для бакумурши ноги.

– Как они прошли через посты, расставленные вокруг города – уму непостижимо. Но они не только прошли, но и направились сразу... К кому бы, ты думал?

Вернулась Кирлан, разлили сидр, он, как Рост и ожидал, оказался выше похвал. Старшина, тоже почмокав, вернулся к своей теме:

– К отцу Петру. Тот с ними поговорил...

– Как поговорил? – спросил Ростик.

– Они немного уже знали русский язык.

– В общем, – скороговоркой продолжил Антон, – он их крестил, всех поголовно. И эти пришлые... аймихо стали как бы русскими.

– Антон их не любит, – усмехнулась Ева. – Но он прав. Они так ловко устроились, что их сразу приняли. Поселили в брошенных домах, стали подкармливать на первых порах.

– Теперь-то они, кажется, в порядке, – добавил Антон. – Раздобыли себе землицы, посеяли там какой-то особенный озимый горох... Кстати, привезли с собой коз, так что летать за три моря не нужно, попросишь, они с тобой на что-нибудь поменяются.

– А потом стали определяться, так сказать, политически, – задумчиво проговорил Дондик. – У них есть система старейшин, есть лекари, есть многое, что нам может пригодиться.

– Одни повозки их чего стоят, – высказался Ким, выныривая откуда-то со дна своей кружки с сидром, вернее, уже пустой.

– Что в них особенного?

– Они антигравитационные, – проговорила Ева, – хотя по суше их волокут быки. Или буйволы, я не знаю, что это за звери такие. Скорее все-таки буйволы. Только быстрые очень и выносливые.

– Ты сказала «по суше»? Значит...

– Значит, – согласился Дондик. – Они как-то на своих повозках переправились через море. И высадились в районе полуострова пернатых. И перевезли не только свой скарб, но и этих коз с буйволами. В общем, толковые ребята.

– Сколько их? – спросил Ростик.

– Ага, – удовлетворенно проговорил Квадратный, – значит, мы об одном думаем. Их немного – тысячи две. Из них бойцов всего-то несколько десятков. – Он подумал и твердо добавил: – Ситуация с воинами у них еще хуже, чем у нас. Я видел среди них даже вооруженных женщин.

– Хо-ох, – произнесла Ева, и в этом звуке было столько негодования, что Квадратный даже заморгал, как заведенный, стараясь, придумать что-то, «уточняющее» его слова. Но так ничего и не придумал.

– Кажется, понимаю, – высказался Ростик. – Вот только одно неясно – какое отношение эти путешественники имеют ко мне?

– Как, разве мы тебе не сказали? – переспросил Дондик. – В том-то и дело, что они почти в один голос говорят, что прикатили к тебе. Разумеется, не только к тебе, но... главным образом, им нужен ты.

– Точно, – пророкотал Антон. – Ты, и никто другой.

Рост подумал, почесал затылок и ничего умнее не придумал, как спросить:

– А они вообще-то издалека?

– Говорят, что прошли из-за твоих красивых глаз восемьдесят тысяч километров, – отозвался Ким. – Говорят, что были в пути последние шесть лет. Но я думаю – врут. Я думаю, и прошли они больше, и шлялись дольше.

– Почему? – спросил Рост.

– Не знаю, – ответил Ким и посерьезнел. – Наверное, тебе предстоит ответить на этот вопрос.

Глава 3

Ребята улетели к полудню следующего дня, но Ева осталась, отпросившись у Дондика. Она вообще, как стал замечать Ростик, все больше привязывалась к Одессе. Уже и начальство приморского города для нее стало важнее, чем команды из штаба Председателя, уже и время возвращения она согласовывала с Дондиком... Но поскольку он разрешил ей остаться, то и Рост не возражал. Он вообще соскучился по своей золотоволосой красавице.

На третий день он решился ей об этом сказать. Они лежали на пляже, загорали. Вернее, загорала Ева, а Рост болтался поблизости. И так уже было устроено его фермерское нутро, что он отчасти болтался, а отчасти перечислял дела, которые мог бы сделать, если бы не чувствовал себя в такой зависимости от своей гостьи.

Наконец, он не выдержал, подсел совсем рядом, чтобы она знала, что он способен думать о ней не только ночами, и кинул для начала разговора пару камешков в воду.

– Ев, – начал он, – тебе город не надоел?

Она сразу все поняла. Лежа на спине, убрала с глаз руку, которой закрывалась от чересчур яркого для осени солнца, посмотрела на Роста прищурившись.

– Друг милый, ненаглядный мой, замечательнейший из мужей, – она подумала, и торжественно завершила, – город мне не надоел, переселяться к тебе я не собираюсь. А скорее всего ты очень скоро возьмешься за ум, посерьезнеешь, переедешь в город, и все у нас пойдет как надо... Ты ведь об этом спрашиваешь?

– Об этом, – признался Рост.

– Тогда я тебе ответила.

Рост посмотрел на Храм в четырехстах метрах от них.

– Только одна ошибка, никуда я отсюда не уеду. Тут спокойно, начальства нет, всякие гости ко мне приходят. Хотя тебе, конечно... гм, недостаточно.

Она не ответила, перевернулась на живот и подставила солнышку спину, голую попку и стройные, изумительной формы ноги. Рост едва удерживался, чтобы не шлепнуть ее, да так, чтобы Ева взвизгнула. Но удержался, поднялся, пошел к дому. Шагов через десять не выдержал, обернулся. Ева лежала чуть более расслабленно, наверное, тоже думала, что он ее шлепнет. В том, что не шлепнул, выразилось его неодобрение.

– Ев, я еще вот что хотел спросить... Ты что имела в виду, когда сказала, «замечательнейший из мужей»?

Она сразу все поняла. Села, стряхнула песок со щеки.

– Не то, что ты думаешь, – она улыбнулась так, что не поверить ей было нельзя. – Я имела в виду не каких-то мифических своих мужей, а... Вообще, всех мужиков в округе. Понимаешь?

А Рост вдруг не очень-то ей и поверил. Он вздохнул и пошел в дом. Ева – вот ведь чуткость! – сложила свою подстилочку, комбинезон и что-то там еще, потащила следом, хотя явно хотела пожариться у моря. И это почему-то послужило главным доказательством, что Ростиковы подозрения не беспочвенны. Но настаивать на чем-то было глупо. Такой сильной, здоровой и красивой девушке, разумеется, не могло хватить десятка экскурсий в год в этот отдаленный Храм, к потерявшему хватку и быстроту мышления, слишком успокоившемуся Росту.

А именно это было скрытой формой наказания, которая существовала в ссылке. Просто раньше Рост об этом не догадывался, и только сейчас понял по-настоящему.

В следующие несколько дней все было, как прежде, Ева откровенно радовалась их любви, но... Разочарование все-таки осталось. И Рост понял, если боль эту не замечать, со

временем она возведет между ними стену, которую не сможет преодолеть никакая яркость их отношений.

А в конце сентября, когда Ева загорела чуть не дочерна, в отдалении появился шлейф пыли. Рост его не заметил бы, но Ждо, которая научилась даже по ночам странным образом смотреть в подзорную трубу, которую как-то привезла из Боловска мама, известила его о необычном явлении. Поутру Рост вышел на самую высокую дюну в окрестности и внимательно изучил протянувшиеся в бесконечную даль равнины. Пыль виднелась уже довольно отчетливо, так что было ясно – это не слишком большой табун жирафов, и не чрезмерная стая гиеномедведей. Те, кстати, в это время года в стаи вообще не собираются, осенью они предпочитают кормиться семьями. Значит...

Рост спустился с дюны, нашел Еву, которая настолько измаялась бездельем, что даже пыталась помочь Кирлан в заготовке рыбы на зиму, и спросил:

- Сколько может быть повозок у этих ваших михоев?
- Аймихо? Не знаю, – она стряхнула с рук чешую, – наверное, много.
- Тогда – они появились.

Ева вымыла руки самодельным мылом и пошла на верх Храма вместе с Ростиком. Тут они просидели до вечера. И не зря. Пыль со временем превратилась в странные фигурки, а потом, незадолго до темноты, стало видно, что это довольно большие, метров по тридцать в длину, овальные платформы, которые висели сами по себе над землей. На платформах были возведены довольно крепкие, даже, пожалуй, массивные, постройки, в которых жили, словно бы вокруг ничего не происходило, люди. Иные из них стирали белье, кто-то занимался нехитрыми ремеслами, ребяташки гоняли какое-то подобие гусей или больших уток. В загонах ревели скотина, а на вознесенных вверх мачтах трепетали на редкость праздничные флажки.

– Когда они шли по степи, флагов не было, – сказала Ева.

– Наверное, это что-то вроде стука в дверь, – отозвался Ростик. – Знак вежливости, косвенное свидетельство мирных намерений и в то же время определение чинов.

– Нет у них никаких чинов.

– Почти наверняка есть, просто вы еще не поняли, какие именно и по какому признаку присуждаются.

– Вот теперь я узнаю своего дружка, – рассмеялась Ева. Посерьезнела. – Только не вы, а мы. Люди.

Платформы влекли вперед массивные рогатые звери с белыми гладкими спинами и очень мощными задними ногами. А впрочем, и передние ноги у них не подкачали. Просто ими звери иногда переступали, словно пробовали дорогу на ощупь, а задними всегда толкали платформы вперед, вот это и бросалось в глаза. Как казалось, зверями никто не правил, они шли сами и, насколько Рост мог судить, толково выбирали дорогу среди неровностей и складок местности.

Когда стемнело, Ева вышла на берег моря и последовательно запустила три ракеты – одну красную и две белых. Рост не возражал, теперь он понял, почему Ева получила такой блаженный отпуск.

Все подтвердилось поутру, когда до кочевников осталось еще километров десять. Неожиданно на легком гравилете через залив прилетел Казаринов. Он устал, возраст давал себя знать, работать на рычагах ему было уже не просто. Но на обратном пути это было необязательно. Ева, быстренько переодевшись в свой комбинезон, попросила его пересесть на правое сиденье.

Росту, который вышел ее провожать, достались поцелуй в нос и дружеский хлопок по спине.

– Не журысь, хлопче, – сказала Ева. – Я теперь чаще буду заглядывать.

– Буду рад, – ответил Ростик и понял, что это уже не такая бесспорная правда, какой была бы всего-то пару недель назад, когда нежданная делегация людей только появилась.

Но грустить слишком долго было некогда. Следовало подготовиться к приему новых гостей. И они появились на следующий день.

Пятнадцать повозок, с невероятным количеством людей, настоящий поселок, если правильно отнестись к этому названию. Рост даже забеспокоился, а хватит ли у него еды, чтобы прокормить такую прорву едоков, но потом решил, что это не должно его заботить. Существа, достаточно искусные, чтобы вместо колеса использовать антигравитацию, наверняка побеспокоились о том, чем им предстояло завтракать или ужинать.

Часа через три после того, как включилось солнце, фургоны вошли на отмеченную камнями территорию Храма. Рост решил их у этой границы не встречать. Пусть его и предупредили, но гостей такого сорта лучше всего было принимать во всеоружии. Он так и сделал, хотя понимал, что глупо тащиться всем табором восемьдесят тысяч километров по враждебному Полдневью, чтобы лишить жизни такую малозначащую персону, какой являлся он.

Когда до Храма осталось метров триста, волы вдруг встали. С переднего соскочил не старый еще высокий мужчина, к нему подбежали две девушки, и вся троица решительно зашагала вперед. Они подошли к самым дверям, видимо, намереваясь постучать, но Рост их окликнул:

– Назовите себя и цель своего визита.

Старик – все-таки вблизи он выглядел старше, чем издали, – поднял голову, нашел Роста в окне башенки и улыбнулся.

– Мы из племени аймихо, присоединились к человечеству и приняли вашу веру. Меня зовут Сатклихо, а это мои дочери... Винрад-ко и Баяпош-хо.

Дочери улыбнулись. Расчет оказался правильным, Рост понимал, что его покупают, но ничего не смог с собой поделывать. Он тоже дернул краем губ, при желании это можно было принять за улыбку. Даже он сам мог бы ошибиться.

– Цель нашего тут появления – сделать тебя Познающим.

Мощно, решил Рост. Теперь, видимо, мне придется растаять, впустить всех внутрь и даже позволить женить себя на одной из этих красавиц. Кстати, хорошо бы знать, кого из девушек как зовут.

– Я фермер, – сказал он. – Я не понимаю слова Познающий.

– Ты узнаешь его, – серьезно ответил Сатклихо.

– Почему ты так уверен?

– Потому что мы уже знаем тебя. – Сатклихо подумал, совершенно человеческим жестом почесал седую щетину, которая через пару недель вполне могла сойти за бороду. – Мы изучили тебя, когда обнаружили ваш город почти семь годовых сезонов назад.

– Изучили... на расстоянии в восемьдесят тысяч километров?

– Видишь ли, Ростислав, когда ты поймешь наши возможности, это не покажется тебе странным.

Говорил он великолепно. Почти без акцента, с правильными интонациями и даже не ошибался в ударениях. Если бы Рост не знал, что это племя пришло откуда-то всего месяц назад, он бы решил, что видит перед собой одного из боловских стариков, с которым по каким-то причинам был не знаком прежде.

– Почему бы вам не приняться за обучение других ребят? Вероятно, есть толковые студенты в университете...

– Мы пришли на более чем двустах повозках. Как ты думаешь, где находятся остальные?

– Значит, вы будете делать Знающим не только меня?

– Познающим – вы, люди, всегда преувеличиваете... Нет, не только. Но ты – наша главная надежда.

– Надежда в чем?

– Мы очень спешили. Но может быть, уже опоздали. – Старец опять почесал подбородок, было видно, что он привык чувствовать его гладким, и, лишь поддавшись людским обычаям, отпустил эту растительность. – Все зависит от способностей. Нам кажется, только у тебя способности таковы, что мы все-таки можем успеть.

– Вы или мы?

– Мы все, люди... И аймихо, которые теперь тоже православные.

Так, решил Ростик, теперь не возразишь. Если у них и девушки способны рожать людей, тогда вообще аргументов «против» не остается.

– О какой опасности ты говоришь?

– Думаю, мы объясним это тебе сегодня же вечером.

Остаток дня все фургоны становились в подобие цыганского табора, причем некоторые шатры устанавливались даже на земле. Потом аймихо позаботились о животных – волах, гусях, козах. Потом принялись копать колодец, и тут Рост уже не выдержал. Он вооружился, как мог, оставил в Храме Винта и пошел к ним. На воображаемой границе лагеря он совершенно автоматически произнес:

– Л-ру.

И тотчас получил певучие ответы: «Л-ру», «л-р»... Казалось, каждый в этом лагере стремится заручиться с ним миром. Он прошел прямо к пяти мужчинам, из которых трое были инвалидами и которые копали колодец.

– Почему вы уверены, что тут будет вода? – начал он. – Но, даже если она будет, мне кажется, вы можете перекрыть тот ручей, что бьет у меня в подвале.

Сатклихо выслушал его со вниманием, лег на землю, раскинув руки, положил в пыль голову, прислушиваясь... Нет, это было что-то другое, не попытка расслышать подземные струи. Наконец он поднялся, отряхнул пыль с лица.

– Так может получиться... Но дело в том, что самый большой ручей, который дал бы нам достаточно воды, оказался именно «твоим».

Стоящий рядом старик еще более древний, чем Сатклихо, что-то проговорил не по-русски. Все немного улыбнулись. Рост не понял шутки и, стараясь оставаться спокойным, надел шлем. Забрало, правда, не опустил.

– Ты зря думаешь, что мы хотим причинить тебе вред, – отозвался Сатклихо. – Тут есть еще два подземных ручейка, вот старец и предложил их объединить, а чтобы это было не очень трудно, их придется вывести на склон вот той дюны. – И он махнул рукой в сторону холма метрах в трехстах от Храма.

– Как это – вывести, соединить?

– Потом поймешь. – Сатклихо повернулся к излишне предприимчивому дедушке и пояснил: – Нельзя выводить воду наружу. Она через пару лет пробьет овраг и будет хуже.

Старец снова что-то пробормотал, и ушел, даже не обернувшись.

– Хорошо, – согласился с ним Сатклихо. – Мы перенесем лагерь на ту горку, а чтобы не выводить ручьи на поверхность, выроем колодец.

На том и порешили. Остаток вечера Рост угрызался тем, что поступил не слишком вежливо, но в то же время с облегчением думал, что теперь его драгоценная вода не иссякнет.

Едва стемнело, все аймихо, и стар, и млад, отправились купаться. Купались с удовольствием, плескались, гикали, кричали, ныряли за красивыми ракушками и даже пробовали уплывать от берега. Этого уж Рост выдержать не мог. Он спустился со своей башенки и отправился к «соседям».

Его заметили, когда он был еще метрах в ста от малышни. Несколько девушек тут же вышли к нему, и почти все из них оказались совершенно обнаженными. Рост тактично постарался смотреть в другую сторону, но если бы его недавно не посетила Ева, это было бы нелегко. Потому что девушки оказались пугающе человекоподобны. И откровенны. Впрочем, если учесть, что мужчин во всем таборе почти не осталось – интересно, почему? – это было понятно.

– Я пришел сказать, – начал было Ростик, опасаясь, чтобы кто-то из аймихо не подумал, что он уже давно подсматривает за купальщицами, – что в этих водах есть Фоп-фалла. И викрамы.

– Фопа мы попросили уйти, – ответила одна из девиц.

Она говорила с заметным певучим акцентом и интонировала фразу совсем по-другому, нежели привык Ростик. Но ее слова все равно были понятны. Конечно, можно было посмеяться над этой речью, но не хотелось. За пару месяцев Рост не выучил бы и сотни слов на чужом языке, а эти ребята...

– И викрамы нам не помеха, – произнес другой голос. Из темноты выступила загорелая... Винрадка или Баяпошка? Она была очень красива, на коже еще сверкали от близких костров капли морской воды. – Кажется, так вы говорите?

– Говорим, – согласился Рост.

– С местными мы можем столкнуться. Вот если бы тут были океанские рыболоды, тогда... Но все-таки спасибо. Ты беспокоился за нас?

– Я беспокоился за детей. – Все-таки он не мог говорить с девушкой, на которой не было ни одной полоски материи. – Я лучше пойду.

– Хорошо, – согласились девушки чуть не хором. – Когда сделаешь свои дела, приходи. Мы будем купаться очень долго, тут спокойная вода.

Но Рост знал, пока он не поговорит с теми, кто собирается сделать из него Познающего, пока не разберется в этике этих аймихо, больше он к девушкам близко не подойдет. Что ни говори, а даже после визита Евы это было для него сильным испытанием. Или это было испытанием для девушек?

Глава 4

Обучение началось дня через три, когда основные проблемы по устройству на новом месте были решены. Аймихо при этом выказали весьма спокойное отношение к Ростиковому нежеланию прямо сотрудничать с ними, словно настолько верили в успех, что и волноваться по этому поводу считали бессмысленным.

Он-то сам, впрочем, волновался, и изрядно. Сначала решил, что все это глупости и было бы только лучше, если бы его оставили в покое. Потом начал прикидывать, что могло бы произойти в его жизни, если бы он снова вернулся к былой активности, к карьере и службе в том значении, как он понимал ее, то есть честно, на благо города, а не отдельных его вождей. И к исходу второго дня вдруг вообразил, что аймихо тянут время, а на самом деле пора начинать.

Это навело его на неприятное подозрение, что новые соседи, или гости, или даже новая часть человечества Полдненья каким-то образом влияет на него, стараясь поднять восприимчивость ко всем тем догмам и методам, которым решили его научить. В самом деле, племени, способному менять каким-то образом русла подземных рек, вероятно, ничего не стоило изменить мысли одного человека, к тому же живущего неподалеку.

И все-таки этому Рост не очень поверил. Просто не мог допустить, что такое возможно. То есть с ним, как со всеми прочими, случилось в Полдненья столько странного, что он отвык от глупого материализма, которым была пронизана советская идеология на Земле. Он допускал, что в природе возможны ситуации, когда неизвестно отчего к человеку приходит новое знание. Еще он допускал, что сила духа, тайное желание, определенный образ мысли выстраивают события таким образом, что они как бы сами собой принимают желательный оборот. Но что можно вот так запросто, мимолетно влиять на него самого – этого он допустить не мог.

Обучение началось с утра. Причем Рост даже не очень-то и осознал, что оно началось. Просто к нему, сидящему на пороге дома, чистящему доспехи и обдумывающему, как бы заполучить пару коз и утокосей от новых соседей, подошел Сатклихо, сел рядышком и вполне миролюбиво спросил:

– Надеюсь, мы не оскорбляем своей внешностью твое зрение?

– Ничуть, – бодро ответил Рост.

– Отлично, – кивнул старик. Подумал, добавил, как бы про себя: – Хорошо бы еще, конечно, твою восприимчивость на запахи проверить... Но пока попробуем обойтись без этого. – Он с уважением посмотрел на Ростиковы железные доспехи и спросил, меняя тему: – А наши девушки тебе как показались?

– Красивые, – безрадостно проговорил Рост.

– Понимаешь, я не просто так спрашиваю. Если ты не будешь находиться в состоянии полного физического комфорта, мы не сможем...

Последняя формулировка сразила Ростика.

– Послушай, Сатклихо, ты сколько времени учил русский?

– Лет семь, едва мы приняли решение двинуться в вашу сторону.

– Вы в то время находились очень далеко?

– Для Полдненья – не очень. Мы были в состоянии вас ощутить, прочитать и, конечно, до вас добраться. Что и проделали.

– Телепатически?

– Очень узконаправленной, длиннофокусной телепатией. Собственно, это уже не телепатия, это скорее... Волновой перехват. – Старец потер руки, словно ощущая в них какое-то неприятное жжение, встряхнул их, словно сбрасывал капли воды, и добавил: – В любом

случае следует признать, нам повезло. Такая сходимость по физиологии, по генетике... Я даже начинаю подозревать, что это не случайно. Мы – выходцы из одного и того же мира.

– У нас на Земле никто не знает телепатии.

– Во-первых, никто не знает, из каких мы времен, может быть, мы ваши давние предки, когда цивилизации могли иметь другой психофизиологический режим, вполне позволяющий развить не только телепатию, но многое другое. А во-вторых, мы можем оказаться вашими потомками. То, что мы прибыли в Полдненья на четыре тысячи лет раньше, ничего не доказывает.

– Как звучит ваш язык?

– Ты хочешь по звучанию слов понять, происходим ли мы из одного мира?

Казалось, Сатклихо поражен такой глупостью. Но Рост и сам уже все понял.

– Нет, просто... Согласен, это в самом деле не очень умно. – Чтобы не попадать впро- сак, он как следует поразмыслил, прежде чем задал следующий вопрос: – Четыре тысячи лет – это много. Вот только... вы что же, всегда вот так бродяжничали?

– Бродяжничество разрушает культуру. Вернее, невозможно подняться выше опреде- ленного, очень низкого уровня... Не спрашивай, почему так происходит, я не смогу объяс- нить, не используя базовых элементов нашей науки об обществе, которых ты не знаешь. – Сатклихо подумал и добавил очень жестко: – Мы были довольно развитой расой здесь при- мерно на протяжении трех тысяч лет. У нас была хорошая специализация... Но мы проиг- рали войну, которую не должны были начинать. И вот теперь находимся на грани физиче- ского истребления.

– Специализация – что это такое?

– Каждое разумное сообщество тут имеет ту или иную специализацию. Проще говоря, раса делает то, что у нее лучше получается. Есть математики, есть биологи, лингвисты, сол- даты, крестьяне.

– Кем были вы?

Сатклихо помедлил, прежде чем ответил:

– Мы были жрецами. Пытались выстроить из разных верований единый, эффективный для Полдненья культ.

– Общую для всех веру?

– Не только веру. Но личностные методы развития. Персональные схемы постижения божественной воли и отклонения от нее.

– Разве нечто божественное может отклониться от предназначения?

Сатклихо усмехнулся.

– Предусматривая в каждом человеке свободу воли, Абсолют, разумеется, предусмотрел и отклонение от идеальной, наиболее приемлемой для мира версии. Долг настоящего человека не доводить дело до этого, но если уж это случилось... Нужно исправлять поло- жение. Вот мы сейчас, оказавшись в том состоянии, в каком ты нас застал, и пытаемся все исправить.

– С помощью человечества?

– С помощью человечества.

Страшное подозрение заползло в душу Ростика.

– Эй, а вы не пытаетесь исправить свои ошибки за наш счет? Не пробуете втравить нас...

– Неправильно, Ростислав. Мы, приняв крещение, стали едины. Мы есть вы, а вы, так сказать, выходцы с Земли, больше ими не являетесь... Вернее, конечно, являетесь, но практически... об этом можно забыть.

– Я понял. – Рост подумал. – Может, вы и правы. Но, выражаясь твоими словами, мы по-настоящему перемешаемся только тогда, когда у нас появятся общие дети. Если это возможно.

– Это возможно. И дети эти будут очень талантливые, – с явным удовольствием проговорил Сатклихо.

Новое подозрение возникло в Ростике. И оно было естественно у мужчины, жизнь которого, к сожалению, оказалась не самой удачной на личном, как говорится, фронте.

– А не хотите ли вы использовать наших?..

Он не договорил. Но его прокурорский тон не вызвал в Сатклихо ни малейшего затруднения в самом вопросе.

– Ваших женщин? – Он откровенно расхохотался. В его веселости было даже что-то обидное. – Все как раз наоборот. Сколько ты видел у нас мужчин? Мало, верно?

– Откуда я знаю, может, они все в Боловске остались?

– Они не остались в Боловске. Они все тут, и их столько, что мы не сможем даже надеяться на продолжение нашего рода без помощи ваших мужчин... Хотя бы в прежнем количестве. А желательно – с увеличением общей популяции. – Сатклихо помолчал, потом договорил: – Так что все наоборот. Мы предлагаем вам любовь наших женщин и рассчитываем, что детей, которые появятся, вы будете любить не меньше, чем рожденных от ваших природных жен.

– И все-таки, – решился Рост на самый неясный теперь вопрос, – почему вы так уверены, что дети появятся? Генетика, штука, хоть и проклятая, но тонкая.

– Почему «проклятая»? – удивился Сатклихо. – Генетика – обычная, как ей и положено быть.

– Это я так, – пробормотал Ростик, – наших вождей на Земле имею в виду.

– Мы не гадаем, – признался Сатклихо, – мы знаем, что все будет хорошо. Мы потратили на изучение вашей природной структуры...

Словно пелена спала с глаз Ростика. Он все понял, даже вскочил. Как оказалось, одна из плечевых пластин лежала у него на коленях, хотя он забыл о ней. Теперь она свалилась в пыль, и осталась там лежать, тускло поблескивая старой ковкой.

– Вы изучали кого-то из наших? Примерно так же, как учили язык – на расстоянии? Значит, вы выпотрошили сознание кого-то... – Догадавшись обо всем, Рост помертвевшими губами прошептал: – Антон? Как раз шесть с чем-то лет назад?

– Мы не знаем, как звали того юношу, сознание которого мы вынуждены были основательно... – Сатклихо помялся, – выпотрошить. Пойми, это было необходимо.

– Мы думали, это какой-то из эффектов Фоп-фалла. И все удивлялись, почему он больше не повторяет такой штуки?

– На самом деле Фоп-фалла нам помог, он словно охотничья собака указал на вас, – признался старец. – Если бы не он, мы бы могли вас не заметить. Кстати сказать, в тот момент мы двигались совсем в другую сторону, где на расстоянии полумиллиона километров находится племя, очень похожее на вас... Но это уже очень далеко, определить, подходило ли оно нам для ассимиляции, мы смогли бы, лишь приблизившись тысяч на двести километров. И то, если они сами не кочуют, а также если психологически способны принять нас.

Сатклихо задумался.

– Вы чуть не убили моего друга, – проговорил наконец Ростик.

– Он может погибнуть в бою. Ты будешь переживать за него?

– Да. Но вы, создав угрозу его жизни, автоматически попадаете в разряд врагов. Неужели это неясно?

Рост посмотрел на старика, сидящего рядом, словно бы новыми глазами. По виду это был почти обыкновенный старец, крепкий, с хорошей координацией, ясными глазами, чуть

странными словами и жестами... И все-таки в нем проступило что-то чужое, словно бы только теперь стало ясно, что он и есть чужой. Может быть, эта чуждость ощущалась на уровне биополей? То, что они существуют, Ростик не сомневался ни на мгновение.

– Я вот что хочу спросить: ты будешь винить в его смерти командиров, отдавших приказ вступить в последний для него бой?

– Нет, конечно. Приказы диктуются обстоятельствами. Я сам десятки раз посылал людей в бой, зная, что вернутся не все.

– Вот и мы устроили этот... эксперимент, зная, что он может погибнуть, но учитывали все обстоятельства. И кстати, сделали что могли, чтобы он не погиб. Ведь он же не погиб?

– Он почти год был как раздавленная собака... – Ростик не мог бы объяснить, почему выбрал именно такое сравнение. – Даже говорить не мог.

– Это было необходимо. И мы помогли ему восстановиться потом. – Сатклихо вдруг прищурил левый глаз. – Скажи, тебя не удивило, что Антон, после того как потерял практически все свойства разума и внеразума, восстановился таким образом, что разница между прежним и нынешним человеком почти не заметна даже тебе, его другу?

Рост вынужден был признать, что думал об этом, хотя и не сумел разгадать эту загадку. Вслух он ничего ответить не успел, старец уже понял ответ.

– Мы помогали ему, одновременно через его сознание обучаясь русскому языку, одновременно вырабатывая схему ассимиляции, одновременно научившись вчитываться в других ваших граждан, чтобы...

Он замолчал, словно осознал, что сказал больше, чем хотел.

– Продолжай, что ты хотел сказать? Чтобы выбрать тех, кого вы будете обучать, а кого нет?

– Примерно, так.

– Не «примерно», а именно так. – Рост подумал. – Да, я буду обучаться на Познающего, или как вы это называете. Не потому, что вы разбудили у меня бешеное любопытство, что, кажется, пытались делать в последние дни, а просто потому, что, мне кажется, необходимо проверить чистоту ваших намерений. И сделать это проще всего через постижение того, чему вы можете нас, людей, научить.

– Это нас вполне устраивает, – быстро ответил Сатклихо. – Если не возражаешь, мы начнем сегодня же. – Он помолчал и добавил: – Вернее, уже начали.

Потом он произнес длинную лекцию о питании, в заключение велел Росту изменить свой рацион. А вечером в Храм вошли почти два десятка стариков и пожилых женщин, многие из которых были куда старше Сатклихо, расселись по стеночке главного зала, кто на стульях, кто на полу, вывели Ростика в середину и принялись на него смотреть. Иногда они о чем-то переговаривались высокими, певучими голосами. Но русская речь проскакивала у них нечасто.

Ростик, сидя за главным столом Храма в окружении этих людей, с удивлением обнаружил, что состояние это ему скорее нравится. Иногда в разных частях тела возникало что-то похожее на щекотку, иногда не очень ясные мысли всплывали в его сознании, но не было страха, который проявил Антон во время той ночи, когда лишился разума. И довольно скоро исчезли опасения, что может что-то получиться не так.

Скорее всего это походило на горячую ванну, только не для тела, вернее, не только для тела, а прежде всего для разума. И эта ванна вымывала плохое, что в нем было, очищала не только мысли Ростика, но саму способность мыслить. То, что мышление можно перестроить словно обыкновенную машину, было для Ростика внове. Через неделю он обнаружил, что сеансов сидения в зале ему не хватает, и тогда он попробовал устроить похожий сеанс для себя самостоятельно. Пару раз у него не получилось, но на третий день вечером, едва начались обычные «посиделки», Сатклихо грозно произнес:

– Кто работал с Ростиславом в неполном составе? – при этом он осмотрел своих старцев.

Один из них, путая слова на русском и не очень внятном чужом языке, пробормотал:

– Неужели... Сатклихо со-задам па лиару... самобытно... вел-рикрум па лэг'аби.

Сатклихо при этом, казалось, лишился дыхания. Потом механически перевел:

– Неужели Сатклихо не видит, что юноша сам...

– Пытается продвинуться дальше? – закончил за него Ростик. И сам чуть не потерял дар речи. Оказалось, что слова чужого языка могли быть для него ясны. Звучали, хоть и не совсем по-русски, но очень, очень близко к нему.

– Видишь, Сатклихо, он очень способный, – удовлетворенно проговорила одна весьма пожилая женщина, которую старцы обычно замечали лишь в самых крайних случаях и которая на «заседания» являлась неаккуратно.

– Он такой способный, что, пожалуй, ты права, Бетра-хо, нужно думать о том, чтобы он не пережег свои способности раньше времени.

Так Рост обнаружил, что в его сознание вкладывается что-то помимо его воли и почти незаметно для него. Но еще более удивительное открытие он сделал, когда, как-то выйдя в осеннюю степь, вдруг обнаружил в себе способность произносить такие звуки, о существовании которых еще пару недель назад не подозревал. Вернувшись в Храм, он раздобыл зеркало и попытался заглянуть себе в глотку – недаром был сыном врача. И вот что обнаружил – глотка очень красная, верхнее небо сделалось слишком высоким, а от произношения самых обычных слов возникали боли, словно при ларингите.

Отозвав на вечерних занятиях Сатклихо в сторону, он спросил его:

– Послушай, вы не пытаетесь изменить природу моего тела?

– Конечно пытаемся, – удивившись, впрочем, довольно искусственно, признался старец. – Было бы смешно, если бы мы работали с... живым раствором, каким является человек, и не попытались сделать его более... изменчивым.

– Изменчивым? В каком смысле?

– Ты не сможешь выучить Единый язык, если мы не поможем тебе... в минимальной степени. Уверю тебя.

– Единый язык... – слова звучали хорошо, как обещание безопасности. Кажется, именно они и убедили Ростика, что все, что с ним происходит, правильно. – Ладно, раз уж вы на это решились, лучше будет продолжать.

Сатклихо улыбнулся и даже слегка поклонился, приветствуя такое решение.

– Без сомнения, мой друг, – проговорил он странно изменившимся голосом.

Лишь заметив это, Рост осознал, что всю фразу без исключения старец проговорил на Едином. Но она была понятна. И к этому теперь следовало привыкать, хотя ощущение было странным – словно после привычной, предположим, пресной еды, его угостили чужеземными, очень пряными и острыми кушаньями, например грузинскими. Но ясность мышления, точность выражений в описании окружающего мира при этом не терялась.

Рост вздохнул, он и не знал, что это возможно. Лишь теперь, когда первый эксперимент так быстро и так... успешно завершился, Ростик начал подозревать, что главные открытия ему только предстоят.

Глава 5

Зима в том году наступила неожиданно. Просто как-то раз Фоп-фалла улегся на дно, резко ослабив свою активность, а Рост понял, что ощущает это, не выходя из дома. Вероятно, потому, что довольно долго жил в поле внимания этого чудного морского растения-зверя.

С этого же вечера прекратились массовые купания аймихо после наступления темноты, при свете костров... Удивительно, откуда они столько плавня брали, чтобы такие костры жечь? А еще через пару дней наступила зима. Даже снег выпал, и у самых береговых камней образовалась корочка непрочного, прозрачного в разводах льда.

Аймихо сразу засобирались. Сатклихо объяснил это просто:

– По снегу налетает борым. Они опасаются оказаться у него на пути.

– Боятся?

– Опасаются.

– А почему раньше не уехали? – спросил Рост. – Ведь вы все должны чувствовать приближение холодов.

– Мы чувствуем. Только нам работа с тобой не позволяла. И кроме того, нужно было перенаправить ручьи, чтобы они потекли по прежним руслам.

– Понятно. Что-то вроде уборки мусора, – усмехнулся Рост, но шутки не вышло. – Мусора мы оставляем мало. А с ручьями следует поступать еще аккуратней, – серьезно ответил старец.

– Ясно, – Рост изобразил на физиономии сложную гамму чувств. – Значит, мы расстаемся до следующего года?

– Почему? Учение продолжится. – Сатклихо подумал немного, внимательно вглядываясь в Ростика. – Если ты, Ростислав, нас не подведешь, то присутствия остальных старцев для инициализации уже не потребуется. Я все сделаю сам.

Рост понял, что и в его жизни что-то изменилось окончательно.

– Теперь ты будешь обрабатывать меня в одиночку?

Сатклихо потупился.

– Не совсем... – Он посмотрел на один из трех факелов, которые стали жечь главным образом для тепла, хотя в кухне топились еще и печь. – Если позволишь, мне будут помогать дочери.

Рост выглянул за порог оборонительного тамбура Храма, сделанного для того, чтобы никто не мог, проскочив сразу все двери, оказаться в большом зале. По снегу, свежему, как выбеленная простыня, к его дому двигалось человек пятьдесят. Некоторые несли мешки со снедью, кто-то волок подобие санок, груженных домашней утварью. Рост занервничал.

– Их же будет двое? Но у меня не так много места...

– Видишь ли, – почти торжественно проговорил Сатклихо. – Пурпурные губиски, что жили у тебя, решили, что им будет лучше в наших кибитках.

Рост подозрительно уставился на старца, который спокойно ждал Ростиковой реакции.

– Вы убедили их освободить место тебе и дочерям?

– Мы их ни в чем не убеждали. Они неплохо прожили тут несколько лет, а теперь почему-то решили, что в нашем окружении им будет безопаснее. Среди обычных людей они, как военнопленные, находятся вынужденно, а с нами...

– Они пару раз хотели переселиться то ли к дварам, то ли к пернатым. Но каждый раз требовали некоторое количество зерна, сушеной рыбы, зелени, чтобы не голодать хотя бы на первых порах. Я выделял им эту еду, но они, поразмыслив, отказывались уходить, потому что забрать все с собой не могли.

– Сейчас все решилось само собой и можно не тревожиться о мелочах...

– Пищу ты считаешь не слишком важным фактором? – Рост удивился.

Еда была для него священна. После трех зим, когда он дважды чуть не умер с Винто-руком от голода и цинги, он не считал мешки с рыбой или зерном незначительной частью жизни. Скорее наоборот. Но Сатклихо полагал иначе.

– Для людей, перенаправляющих ручьи, вырастить выдающийся урожай, нагнать рыбу в сети или даже заставить зверей самих выйти на охотника, без облавы – ничего не стоит. Поэтому...

Тут Рост вспомнил еще кое-что.

– Но у меня еще оказался этот пернатый Шипирик. Теперь, наверное, до весны он не уйдет. Нет, он вроде бы ничего, но если вам это не нравится...

– Шипирик, конечно, совсем не «ничего», а один из самых сильных и удачливых вождей бегимлеси, – поправил Ростика аймихо, как привык поправлять его произношение в упражнениях по единому языку.

– Ты можешь с ним разговаривать? – обрадовался Ростик. – Слушай, может, выяснишь, что с ним случилось? А то мы толком и не общались еще. Как-то мне все недосуг было. А в последнее время он в вашем лагере больше обретался, чем в Храме.

– Полагаю, он знает, что делает.

– Так он специально тут остался?

Но додумать эту ценную мысль Рост не успел. В Храм стали вваливаться аймихо с вещами переезжающего семейства. Многие из помогающих в этом переезде горячо прощались с Ростиком, пожимали на человеческий манер руки, некоторые кланялись, все говорили ободряющие слова, словно он не оставался жить тут в благоустроенном доме, а вынужден был расположиться на полярную зимовку в крайне «сомнительных», как говаривал отец, обстоятельствах.

Некоторые девушки целовались совершенно беззастенчиво и на плохоньком русском объясняли, что Ростик слишком несмелый, но вообще-то, может быть, возможность еще не упущена... Речи некоторых из них Рост, воспользовавшись своей недавно приобретенной способностью расфокусировать сознание, старался не понимать. И кажется, правильно делал. Иначе сгореть бы ему со стыда от этой откровенности.

Потом аймихо ушли, и у дверей Храма остались только две девушки. Одна, кажется, старшая, смотрела под ноги, лишь иногда бросая на Ростика исподлобья суровые, оценивающие взгляды. Зато вторая, Баяпош-хо, ела его глазами, как новобранец командира. От этого Ростик сразу вспомнил про хозяйственные дела, повернулся к Сатклихо.

– Послушай, Сатклихо, мне казалось, что у тебя в семье имеется фургон, волы, уткогуси...

– Платформу мне пришлось отдать, некоторые из наших семейств давно уже ютились в тесноте. Волон тоже пришлось отдать, хотя три коровы и бычка я все-таки отвел к тебе в стойло. Ими занимается Ждо. А уткогуси, как ты их называешь, пребывают в благоустроенной землянке, которую я попросил своих соплеменников выкопать под дальней кошарой. Там же и небольшой запас корма для скотины. Остальное – в твоих подвалах.

Что-то Ростик стал расслабляться, если позволяет кому-то так хозяйничать на своей ферме. Впрочем, да, он просто был перегружен тренировками и уроками, которые задали ему эти странные новообращенные люди... Или, вернее, беженцы?

– Надо посмотреть, – решил он наконец и отправился искать Винта, чтобы с ним на пару выяснить, что же им в итоге перепало.

А досталось им действительно немало. Кроме перечисленной скотины, уход за которой взяла на себя младшая жена бакумура, еще почти два дня пришлось расставлять, прятать или, наоборот, искать место для размещения огромному количеству вещей. Тут были и странные, свиточные книги аймихо, написанные на необычном языке, и посуда, выполнен-

ная из рога, кости, металла или стекла с таким искусством, что Кирлан только восхищенно дышала, когда брала в свои чисто вымытые лапы то одну кастрюлю, то другую. Тут были и бочонки с какими-то экзотическими напитками, и ткани, и травы, и лечебные наборы, хирургические инструменты, шкуры невиданных животных, которые Ростика сначала испугали, но в которых не оказалось ни одного паразита.

Когда это хозяйство было, наконец, хоть как-то освоено, Ростик поинтересовался:

– Никак не пойму, это все богатство – награда за мое терпение?

– Не совсем, – спокойно ответил аймихо, – скорее приданое моих девочек.

– Прид... что? – голос Роста прервался. Он не ожидал такого поворота, хотя, поразмыслив, без сомнения, пришел бы к такому же выводу. – Но у нас, у людей, существует... Свобода выбора. Я... я вот что думаю, давай...

– Если это решение тебе кажется нелегким, – прервал его аймихо, – пусть все идет своим чередом. Хотя, убей, не пойму, что за невидаль – иметь двух жен?

Он явно разволновался, иначе бы построил фразу более гладко.

– Они сестры, а я...

– Понятно. – Старец хмыкнул, но совсем не обидно. – Человеческая боязнь инцеста. – Он внимательно посмотрел на Ростика. – Будем считать это одним из тестов на все те идеи, которые мне придется тебе объяснить до весны. Если удастся, будешь молодцом. Если нет – я бездарный учитель.

– Зачем же так? Возможен еще вариант – малоталантливый ученик.

Отговорка тем не менее не подействовала. И кстати, очень хорошо, что никто не обратил на нее внимания. Потому что она была из какого-то другого мира, когда Рост еще маялся недооцененностью своих усилий, хотел все и везде непременно сделать по-своему, малейшую оплошность начинал рассматривать как главное доказательство своей неэффективности... Сейчас она просто не имела к нему отношения.

Он понял это по тому, что занятия, которые теперь стали еще интенсивнее, еще острее и временами требовали всех сил Ростика, вдруг перевели его внимание и мысли совсем на другое – на понимание сложности мира, на место в нем людей. Именно людей, всех разом, а не одного лишь Роста, или даже с любимыми и дорогими для него людьми – Ромкой, мамой, Евой, Кимом... Мир теперь представлялся чем-то общим, слитным, многоплановым. И в нем могло происходить многое из того, что еще год назад Ростик попросту не увидел бы.

В этом мире была война, как необходимая реальность, в нем был покой, как добавление к войне, в нем были любовь, жизнь, привязанности, перемены и постоянство, добро и зло, огромное поле вариантов превращения одного в другое, как и добра в добро со злом в зло. В нем возникали невидимые планы бытия, которые человеку никогда не суждено было понять, и отчетливое умение понимать вещи, которые были спрятаны от внимания всех других живых существ, кроме людей. В нем были категории праведности и греха, ясности и тумана, полноты и пустоты, выбора и необходимости, соответствия и недостаточности, избытка и понимания, конкретности и абстрактности. И главное, в нем было осознание веры.

Как ни странно, именно вера заставляла людей делать большую часть тех вещей, которые они делали. Просто-напросто, в какой-то момент человек начинал верить во что-то, и тогда изобретал, скажем, автомобиль. Сатклихо основательно потряс мыслительные способности Ростика, когда объяснил, что мастера древних римлян, без сомнения, хватило бы, чтобы сделать почти нормально работающий автомобиль. Они смогли бы выточить блок-картер, смогли бы сделать примитивное топливо, разумеется, сумели бы построить привод, шасси, систему управления. И даже голова у них работала в нужную сторону – даром они понастроили через всю империю отличные дороги. Но автомобиль они все-таки не сделали...

– Потому что были неконструктивны в своей вере, – объяснил Сатклихо на занятиях по Земной истории. – Автомобиль, аэроплан и всякие прочие прекрасные и удивительные предметы человечество сумело изобрести, лишь когда отвратило веру от безусловной привязанности к Богу, свойственной средним векам, и частично устремило ее на внешний мир.

– Значит, вера – созидательный элемент прогресса, – признал Рост. – Но вера в Бога? Как быть с ней?

– Тебе не хочется от нее отказываться?

Оказалось, что действительно, уже не хочется. Хотя признавая это, Ростик удивился себе, да так, что просто не мог найти слов. Как всегда, в определениях ему помог учитель из племени аймихо.

– Тебе не хотелось бы терять ее, потому что при этом ты теряешь слишком многое, верно? Осознание бессмертия души, понимание своего всемогущества, ощущение защищенности и любви, которую уже привык считать данностью жизни? – Он помолчал, прочитав безоговорочное согласие Ростика. – А главное, ты привык полагать, что настоящая, полная, неусеченная вера – тот самый инструмент, которым можно изменить почти все.

– Все так, – согласился Ростик. – Вот только одна деталь в твоих размышлениях меня смущает, хотя я и не понимаю, как точнее ее выразить... Видишь ли, ты не пришел ко всем этим замечательным мыслям сам. Ты уже имел их, когда принимал православие. Тогда почему ты согласился стать христианином, когда за вами такая утонченная, такая изящная школа мысли?

– Пока ты плохой ученик, – с грустной улыбкой признал Сатклихо. – Я, как и все аймихо, принял христианство, потому что оно верно. Оно подтверждает и даже усиливает все наши постулаты. А кроме того, оно говорит о богочеловеке, который явился вам, людям, совсем недавно, всего две тысячи лет. Нам он являлся давно... И мы, как верующие, обязаны обновить веру в соответствии с новыми ее законами. Они ведь тоже меняются.

Пожалуй, в этом не было лукавства. Все, что Ростик узнал об аймихо, не противоречило христианству. Скорее наоборот, в их лице отец Петр получил сильнейших, искуснейших адептов, способных убедить всех сомневающихся, потому что умение этих... гм, людей обращаться с таинственными силами мира свидетельствовало об истинности чудес. А что может вернее убедить людей в силе веры, если не проделанные на их глазах чудотворения?

К середине зимы у Ростика появились две жены, которые были к тому же сестрами, причем как-то так вышло, что их родство и возможность обмениваться впечатлениями лишь усиливали их радость и удовольствие от всего с ними происходящего. А они добивались этого, потому что верили, как справедливо заметила Бояпош-хо, что со временем должен был понять и Ростик, – с ними лучше, чем без них. Как и им лучше с ним, чем без него.

Разумеется, все эти любовные игры происходили по старой схеме. Каждая из жен в полном соответствии с внутренними женскими договоренностями и в соответствии с желаниями самого Роста появлялась в его спальне, и любовь получала физическое воплощение.

А ближе к весне стало известно, что обе его жены ждут прибавления, что заставило и сестер, и Сатклихо прямо-таки светиться от счастья. А Ростик, получив такое наглядное подтверждение совместимости жизненной природы людей и аймихо окончательно успокоился – все было правильно, все было не зря.

Весной же Ростик вдруг понял, что Сатклихо начинает повторяться. Вероятно, старец не просто талдычил иные из своих постулатов, но и Рост выучил базовые элементы настолько, что сам уже мог делать выводы, и они все, разумеется, сходились воедино, указывая с математической точностью, что решающим оказывается даже не степень наличия или отсутствия мышления в вере, а умение делать выбор из представившихся альтернатив. Когда он задал этот вопрос, Сатклихо откровенно обрадовался.

– Наконец-то, – разулыбался он. – А я уже терпение начал терять, все удивлялся – как же ты не видишь следующего этажа всей этой проблематики?

– Я и не вижу этажа, просто задал вопрос, – признался Ростик.

– Нет, чтобы задать такой вопрос, нужно уметь думать так, как это я тебе предлагаю.

И оказалось, что Ростика вели именно к этому – осознанию Двоичного пути.

– Понимаешь, мир для конкретного человека может представляться мешаниной самых разных событий, вещей или представлений. Но ему нужно выживать, а для этого следует научиться делать выбор. Или ты должен сделать то, что кажется тебе хуже, или то, что кажется тебе лучше.

– А разве не так, как хочется и как должен? – спросил Рост, вспомнив закон военного счастья, как-то провозглашенный старшиной Квадратным.

– Можно и так, но это слишком грубое понимание выбора. Настолько грубое, что ты можешь вообще не заметить возникшего раздвоения. Так тоже бывает – когда неловкий человек не находит выхода, потому что попросту не видит его. Кстати, у вас, людей, так бывает в большинстве случаев.

– Хорошо, – признал Рост, – может быть. Но как же следует поступать?

Сатклихо вздохнул.

– Вообще-то это самый главный вопрос нашей, да и вашей тоже, философии – что использовать в каждом конкретном случае? Иногда нужно поверить, и это спасет, а иногда и разувериться. Иногда следует действовать силой, но чаще – убеждением. Иногда правильный путь есть подчинение, или желание, или импрессия, что есть, в сущности, одно и то же, а иногда – бунт, долженствование или экспрессия.

– Как же нам жить?

– Творчески, – ответил всезнающий аймихо. – Стараясь осознать будущее. Запомни эти слова, ибо они определяют наше главное оружие, может быть, нашу единственную возможность победить врагов. И для этого подходит все, что только можно. Выстраивай «дерево цели», придумывай гипотезы, фантазируй или пробуй остановить мышление, чтобы почувствовать единственно верное понимание событий. Или читай будущее, примерно так, как это иногда открывается тебе.

– Давно уже не открывается, – признался Рост. Почему-то с сожалением.

– Я думаю, что сдаваться не следует. Слушай себя, оперируя всем тем, чему я тебя научил, и снова откроется. Только... Слушая себя, настраивай слух, как музыкант настраивает его, отделяя фальшивую ноту от верной. И находи правильный путь для себя на каждой найденной развилке. Для себя и, может быть, для всех.

Определение Двоичного пути потребовало понимания таких вещей, как кармическая предназначенность, следование за Абсолютом, выявление невидимых знаков и многого другого. Рост почти не заметил, что налетел один вал борыма, и ушел, что налетел другой, который почти целиком сожрали летающие киты, которых в эту зиму вдруг объявилось немислимое количество. Кстати, Баяпош-хо, посмотрев как стадо китов штук в двести пасется в высоком, с треть километра, вале саранчи Полдненья, сказала, что такие валы саранчи и такое обилие китов означает трудный год. Что она имела в виду, было неясно, потому что она не очень хорошо говорила по-русски, а Рост еще не очень справлялся с Единым. К тому же и Сатклихо, который прекрасно мог все это перевести, отмахнулся, мол, не обращай внимания на лепет беременной барышни.

И хотя Рост отлично понимал, что от этого отмахиваться не нужно – не этому ли его, по сути, учил Сатклихо? – но поделаться ничего не смог. Язык нужно знать лучше, решил он, и принялся изучать Единый. Да так, что, когда начал подтаивать снег, старец перешел на истинную, по его словам, терминологию, то есть на все те слова, которые в Едином заменяли понятия «кармы», «Абсолюта» и «мистерии».

А еще несколько дней спустя Рост впервые поговорил с Шипириком, тем самым пернатиком, который очень умело навязал людям свою компанию. И который, как оказалось, изъяснялся на Едином лишь чуть получше, чем этим мог похвастать Рост.

Дело было так. Все собрались на ужин и по традиции Храма сели за общий стол, кроме, может быть, лишь самых маленьких волосатиков из семейства Винта. Шипирик съел свою порцию, как всегда, с изяществом и сноровкой, удивительной для его рук и клюва. Попросил добавки. Кирлан, которая устала за день, не хотела идти на кухню, чтобы еще раз наполнить миску пернатого. И сделала вид, что не понимает его жестов. А есть Шипирику хотелось очень, потому что последнее время он все чаще стал с оружием уходить к морю и проделывать там сложнейшие комплексы замысловатых упражнений. Шипирик решил настоять, а потому произнес что-то на своем языке и, убедившись, что старшая бакумурша его не понимает, с негодованием проговорил на Едином:

– Ты же всегда понимала!

Рост тут же встрепенулся:

– Шипирик, ты... говоришь на Едином?

Пернатый вздохнул и посмотрел на Ростика. Иногда он крутил головой по-куриному, или, как зеленокожие, рассматривая объект разными глазами, а иногда смотрел прямо, словно земной хищник. Чем это можно было объяснить, Рост не знал. На этот раз пернатик смотрел прямо.

– Говорю, хотя не очень грамотно.

– Может, тогда объяснишь, зачем ты тут оказался?

Шипирик вздохнул.

– Нам приказали сходить к твоему Храму. На нас напали д'кабры...

– Гиеномеды, – подсказал Сатклихо.

– Остался один я.

Рост сидел, смотрел на Шипирика и не мог понять, что в этом монологе ему не нравится. И наконец понял – все было неправдой. О чем он и сказал. Шипирик смущенно вздохнул, но и с заметным облегчением.

– Я знал, что с тобой не получится, – признался он.

– Что не получится? – переспросил Рост.

– Не получится тебе соврать. Ты все равно поймешь.

– Тогда объясни.

– Меня послали, чтобы я был около тебя. И знал, что у тебя происходит.

Единым оба владели недостаточно, чтобы строить сложные предложения. Поэтому Рост спросил в лоб:

– Шпионить?

– Нет, это сложно, когда не можешь передать жрецам, что знаешь, – пояснил Шипирик.

– Без связи разведка теряет смысл, – согласился Ростик.

– Просто быть рядом, помочь, если что-то у тебя не получится, учиться, если удастся подслушать ваши беседы с Сатклихо.

– Подслушать? – Рост смутился. – Значит, ты подслушивал?

– Вы слишком много говорили по-человечески, – признался Шипирик. – Сейчас, когда есть слова на Едином, стало лучше.

– Я все-таки не понимаю, зачем? – спросил Сатклихо.

– Я и сам не понимаю, – Пернатый повел клювом к правому плечу, что выражало у него подобие улыбки. Но почему Рост знал об этом, он тоже не мог бы сказать. – Просто наши верховные жрецы решили, что нужно дружить с тобой, Рост-люд.

– Зови меня просто Рост, – попросил Ростик и удивился себе.

Он совсем не был потрясен тем, что только что узнал. Он словно бы об этом уже догадывался... Нет, даже не догадывался, а просто выстроил такую гипотезу. Поведение пернатого не было странным, бегимлеси в своих стаях ведут себя так же – приходят, уходят, кормятся, слушают и, если появляется необходимость, помогают. А вот почему он, Ростик, повел себя по законам пернатого племени, втайне надеясь, что это правильно? И почему он полагал, что именно такое поведение оправдается? Может быть, он уже начал не только Единый понимать, но и научился выстраивать будущее?

Глава 6

Незадолго до того как снег начал таять под крепнувшими лучами полдневного солнышка, Ростик довольно серьезно занемог. Он лежал в своей кровати, у него ничего не болело, не было ничего похожего на температуру, но он не хотел есть, и ему все казалось бессмысленным. Самое печальное, что это почему-то сказалось на Сатклихо и обеих Ростиковых женах. Они тоже стали вялыми, почти не разговаривали между собой, и все хозяйство постепенно перешло к волосатикам.

Те были не против, наоборот, оживились, снова выманили несколько коров, но вот задача – почти все они оказались уже выдоенными. Если и было в них молоко, то только четвертое в лучшем случае. А оно, сколько Ждо этих ящероподобных буренок ни доила, помогало мало. Ни Рост, ни аймихо не поправлялись.

Занятия с Сатклихо, конечно, прекратились, причем Ростик умом-то понимал, что не узнал еще очень многого, что должен бы знать, но в душе остался спокоен, словно все его любопытство, поддерживаемое, может быть, энергией учителя, разом выветрилось. То, что Рост каким-то таинственным образом связан с женами, его не удивило, а, наоборот, порадовало, хотя и жаль было, что он «заразил» их своей апатией, когда обе вынашивают его детей. Но вот связь с учителем его раздосадовала.

Так прошли последние, самые нелегкие деньки весны, когда трава еще не стала выбрасывать в воздух свежий кислород для дыхания, а песок с пляжей уже забивался в легкие, хрустел на зубах, попадал в складки одежды и в пищу.

Но едва ручей в подвале Храма стал бурным от стаявшего снега, Рост вдруг осознал, что тоже полон сил и энергии. Странной усталости как не бывало. Правда, аймихо еще не оправались, но это было нормально – Рост первым заболел, первым и выздоровел. А раз с ним все в порядке, значит, все это не смертельно и аймихо тоже оживут.

К тому же ему вдруг захотелось действия. Не работы на ферме, не возни с новым урожаем, а настоящей работы, может быть даже опасностей. Ростик не вынашивал еще конкретные планы, но точно знал, что фермерская спячка закончилась. И был этому рад.

А как-то под вечер из Одессы прикатили Ева с Кимом на одной из странных машин, придуманных еще давным-давно Казариновым, но которые, по каким-то причинам, заработали лишь недавно и стали использоваться для таких вот необязательных прогулок. С этого и начался разговор, когда Рост усадил гостей за стол, чтобы покормить с дороги.

– Интересная машинка... Почему их в массовое производство не пускают?

– Ничего интересного, – отозвался Ким. Он был бледен и выглядел слегка рассерженным. – Казаринов их бы в жизни не довел до ума, если бы не аймихо.

– Они и инженерить горазды? – спросил Рост.

– Не инженерить... Просто знают какие-то хитрости, как на малых, очень малых расходах топлива поддерживать динамическое равновесие этих машин.

Ким сумрачно принялся жевать отличный пирог с местной капустой, испеченный Кирлан, а слово взяла Ева.

– В общем, у нас теперь действительно есть средство передвижения более экономичное, чем гравилеты. Хотя многие до сих пор считают, что до лошадей этим железкам далеко.

– Так вы лошадей развели?

– Не «вы», а «мы», – поправила его Ева.

– На лош-дх пахт м-жно, – высказался Винторук.

– Никто на них не пашет, – отозвался Ким. – Если нужно пахать, то впрягают твоих соотечественников. С ними проще и даже быстрее. Лошади только для транспорта... Были. Если начнут делать эти машины, то и от этого откажутся.

Ребята замолчали. Что-то их угнетало. Они были даже какие-то одинаковые, или выражение их лиц свидетельствовало о сходных мыслях. Наконец, Рост не выдержал.

– Если будет время, Ким, научи меня на такой таратайке кататься, ладно? А теперь, если с машинами выяснилось, не расскажете ли вы мне, что случилось?

Ким вздохнул.

– Зима была очень суровой для Боловска.

– Опять начались голодные обмороки, – поддержала его Ева. – Особенно это тяжело, когда смотришь на дистрофичных ребятишек. В общем, народ не выдержал.

– Понимаешь, – вступил Ким, – начальство так перегнуло палку, что, едва пригрело солнышко, Рымолова скинули. Прямым и непосредственным действием, революцией, так сказать.

Рост нахмурился. Пожалуй, он давно знал, что это должно было рано или поздно случиться. Понимал, что к этому шло, и даже по тем скудным обрывкам информации, которые к нему поступали, мог бы предвидеть... Но одно дело – предвидеть, а другое – принять как свершившийся факт.

– Кто победил?

– Мурат Сапаров, помнишь такого? – спросила Ева.

– Помню, – кивнул Рост. – Он меня еще очень невзлюбил.

– Он никого не любит, – отозвался Ким. – Но он всех хочет использовать. Особенно офицеров, которые что-то умеют, а не только в начальственных кабинетах заседают.

– Так это он вас послал?

– Он не посылал, – уклончиво отозвался Ким. И посмотрел на Еву.

– Но он дал нам понять, что был бы не против, если бы ты вернулся. И снова взялся за настоящее дело.

Рост только улыбнулся, услышав собственные мысли из чужих уст.

– Аймихо имеют к восстанию какое-то отношение?

– Ни малейшего, – твердо сказал Ким. – Они подчеркнуто держались в стороне, как отец Петр.

– Всех ослабевших лечили, какие-то лекарства предлагали... – поддержала его Ева. – С твоей мамой, кстати, очень тесно сотрудничают, но к политике демонстрируют полную индифферентность.

– Они могли не напрямую, а косвенно... – начал было Рост, хотя Баяпош-хо сидела за столом.

Ким покосился на нее.

– А где старец и старшая?

– Они в кроватях, недомогают. – И Рост решил сразу сделать все изменения в своем семейном статусе понятными для гостей. – Кстати, обе аймихошки ждут прибавления. Отцом являюсь я.

На миг в глазах Евы застыл испуг, словно она ожидала этого, но не хотела признать. Рост не спускал с нее взгляда, Ким тоже. Хотя ее лица было почти не видно за копной рыжих волос, Рост почему-то отчетливо представил, как она кусает губы, чтобы не дрожали. Наконец, она подняла голову и посмотрела на Ростика.

– К этому шло, я сама виновата, Рост. – Помолчала, добавила: – Наверное, ты поступил правильно.

Встала и ушла на кухню. Баяпош-хо поднялась и пошла за ней следом. Она все поняла, может быть, даже лучше Ростика, несмотря на не очень большие успехи в русском.

Ким погрузился еще больше, но все равно спросил:

– И что ты скажешь?

– О чем?.. – Рост понял. – А, о возвращении? Конечно, я думаю, если вы побудете тут пару дней, передохнете, отъедитесь, я подготовлю все, что нужно, и поеду в Боловск с вами. Ваша машина выдержит еще одного пассажира в доспехах?

На том и порешили. Рост подготовился как мог, отдал распоряжения, которых от него ожидали, и уже на третий день был готов оставить Храм на неопределенное время. Было решено, что командиром надо всем остается Сатклихо, который помимо бакумуров пригласит еще и пару своих родственников в помощь. Он обещал, что урожай будет не хуже, чем в прошлом году, и хватит не только перезимовать, но и помочь кому-нибудь из самых голодающих. Например, маме и Любане с Ромкой, подумал Ростик, хотя ничего не сказал вслух. Он посылал осенью, когда Ромка возвращался в город, на учебу, разные продукты, но всегда считал, что их недостаточно. Особенно после этих разговоров о массовом недоедании и дистрофии.

А потом вдруг во всей своей неожиданности встала проблема Шипирика. Как-то так получалось, что Рост забывал о своем пернатом соглядатае. Вот и на этот раз забыл. У бегимлеси вообще была странная особенность: при желании он мог стоять чуть не в центре комнаты, а никому бы и в голову не пришло обратить на него внимание. Шипирик же, узнав об отъезде Роста, словно считая это само собой разумеющимся, тоже начал собираться. Ким попробовал было возражать, а Рост сделал даже попытку отговорить его, но пернатый лишь склонил голову к левому плечу и влез в гравиплан, когда все было готово к отъезду.

Прощавшись с женами, причем Винрадка чуть не расплакалась, еще раз пообещав Сатклихо каждый вечер выходить на пробный сеанс дальней связи, Рост уселся за Кимом в странную машину, корпус которой явно служил когда-то кузовом старого «Москвича». Потом они полетели.

Вернее, заскользили по степи, все уверенней набирая скорость, все дальше отрываясь от пыльного шлейфа позади. Рост подумал было, что сможет во время этой поездки расспросить подробности о восстании Мурата, но оба водителя были так напряжены, как не случалось даже в дальнем полете на гравилете. Да и сам Рост неожиданно сплеховал – уснул самым бессовестным образом.

А только проснувшись, вдруг понял, что жил последние дни с такой ломовой энергетической подпиткой от аймихо, что, лишившись ее, стал слабым, как щенок. Зато он снова сделался самостоятельным, по крайней мере в оценке ситуации. И первым делом сообразил, что эта энергетическая подпитка, кажется, была ему устроена совсем не в последние дни, а много месяцев назад. И была необходима, потому что иначе даже Сатклихо не сумел бы обучать его.

Чем внимательнее Рост рассматривал эту проблему, тем больше убеждался, что Сатклихо совершил какой-то педагогический или даже парапсихологический подвиг. Хотя и привел ученика к полному нервному истощению, которое он сам с помощью обеих жен Роста и пытался вылечить. Это тоже было зачем-то нужно, хотя почему следовало спешить, рискуя здоровьем, – оставалось пока неясным. Но Рост был уверен, что все проделано не зря.

Они подъехали к Боловску, пробыв в пути чуть больше семи часов. Это значило, что скорость гравиплана составляла около тридцати километров в час. Когда Рост спросил Кима, тот кивнул:

– Возможно. Обычно на больших перегонах мы выжимаем двадцать пять, но, может, сегодня, когда на рычагах сидели два таких мастера, – он устало подмигнул Еве, – мы поставили рекорд. Да и то сказать, было ради чего.

Рост не понял, ради чего это стоило делать, но спрашивать не стал. Оба пилота были настолько вымотаны, что путешествие раза в два продолжительнее за рычагами черных крейсеров не вызвало бы такого изнурения. Он только мельком подумал, что его друзья скорее всего действительно не очень хорошо питались в последнее время.

Вот ведь хренотень, разозлился Ростик, живем на плодороднейшей земле, имеем в своем распоряжении аймихо, которые способны на камнях вырастить цветы, а люди голодают. Спрашивается – почему?

На Октябрьской все было в странной смеси – и знакомо, и совершенно ново. Дом, который когда-то построил Рост и который потом перестроили настоящие строители, выглядел чужим. Хотя в нем и казался знакомым каждый угол, каждая вещь, оставшаяся с Земли.

Во дворе играли двое малышей. Рост не сразу сообразил, что это его родные по матери брат и сестра. Брата звали Павлом, сестрицу – Марией. Их опекала горбатенькая и довольно суровая на вид бакумурша. Рост удумал было познакомиться с детьми поближе, заодно осмотреть дом, расположить Шипирика, но... Не успел даже скинуть все доспехи, которые вез на себе, как с улицы его стали выкрикивать незнакомые голоса. Он выглянул в бойницу у двери и увидел двух девушек с ружьями в пурпурных, изношенных, застиранных до белизны гимнастерках. Рост вышел к ним, и ему тут же вручили небольшую бумажку, сложенную военным треугольником.

Оказалось, Мурат Сапаров, Председатель, как значилось по тексту, вызывает старшего лейтенанта Гринева в Белый дом для доклада сразу же по получении этого распоряжения. Шипирик, который оказался, конечно же, рядом, попытался заглянуть через плечо, словно умел читать по-русски. Рост автоматически прижал бумажку к груди, потом хмыкнул.

– Читай, – предложил он пернатiku.

– Что? – спросил Шипирик на Едином.

– Вызывают к начальству, – ответил Рост. – Сразу же.

И только когда поймал изумленные взгляды девушек, осознал, что тоже ответил на Едином.

– Ну и звуки, – проговорила одна из посыльных. И обе, переглядываясь, то и дело оборачиваясь на Ростика с Шипириком, пошли к центру города.

– Пойдешь со мной? – спросил Рост пернатика.

– А можно?

– Не знаю, – признался Рост. – Может, если настоять, тебя и пропустят. Только зачем? Ты же все равно ничего не поймешь.

– Если пустят, то лучше, чтобы я был с тобой.

Это оставляло простор для размышлений на тему – насколько пернатик вообще смышлен и подготовлен к тому, чтобы выучить русский. Но в распоряжении Ростика для этой захватывающей проблемки имелось не очень много времени. Поэтому он подхватил свое ружье и отправился в Белый дом. Помимо того, что следовало выполнять распоряжение Председателя, каким бы он ни оказался, Роста заедало и любопытство.

Просидев примерно час в знакомой приемной, Рост и Шипирик оказались в кабинете, традиционно предназначенном для Председателя. Тут были изменения. Столы, выставленные буквой «Т», были сдвинуты к стене, а у противоположной от входа стены стояло внушительное кресло, похожее на трон, на котором, наверное, новый Преседатель и проводил большую часть времени. А может быть, и не только новый, но и старый, подумал Ростик. И лишь головой покачал – так опуститься, что начать править, а не работать, как полагалось бы на этом посту, мог только человек, окончательно утративший ощущение реальности. Или забывший об ответственности, что еще хуже.

За прошедшие годы Мурат Сапаров, с которым Ростик мельком познакомился еще в бытность того новоиспеченным лейтенантом, стал представительным и сильным. Эта сила читалась в его ястребином, тонком, даже каком-то хищном лице, в его жестах, в уверенной интонации голоса. И, глядя на этого юношу, Рост начал понимать, почему именно он захватил власть, сменив Рымолова, – это был прирожденный лидер. Не скрывающий своих амбиций, своего умения командовать и всегда сознающий, что ему нужно.

Сейчас ему был нужен Рост. Поэтому Сапаров высоко поднял левую руку в странном приветствии и улыбнулся.

– Не могу поднять правую, извини, Гринев. Давняя рана разболелась. – Подняться из кресла он даже не пытался, хотя было не похоже, что от старых ран у Мурата болели также и ноги.

Рост остановился перед креслом и осмотрел собравшихся. Тут находилось пять человек, четверо из которых ему были известны. Ближе всех к начальству с замкнутым, непроницаемым лицом стоял Каратаев. Рядом с ним расположился Борис Михалыч Перегуда, который радостно улыбался Росту. Чуть в стороне находился Квадратный, который выглядел безучастным, словно ничто на свете его не беспокоило. А из-за плеча Каратаева выглядывал Смага, которого Рост знал по службе в Перевальской крепости. Пятую персону, суховатенькую, немолодую женщину, оказавшуюся секретарем, усадили в стороне, вероятно, чтобы она записывала распоряжения.

Впрочем, сначала записывать ничего не пришлось. Рост выпрямился, опустил руки и довольно обыденно доложил. Последними его словами были, разумеется:

– Готов к продолжению службы.

Мурат – никак не поворачивался язык называть его по фамилии – улыбнулся.

– Вижу, что готов. – Он помедлил, посмотрел на Каратаева, на Смагу. – Старая выучка не ржавеет, видите?

– Он не всегда был такой... ловкий, – ответил Каратаев.

– При чем тут ловкость? – удивился Перегуда. Видимо, он был в этой группе авторитетным участником, если мог вклиниваться в разговор. – Он просто хочет быть официальным. Это даже не выучка, это практика.

– Практика, – пробормотал Смага, потом перевел взгляд своих слегка бездумных глаз на Шипирика. – А этого он зачем приволок?

– Да, Гринев, кто это у тебя?

Рост еще раз подумал, потом все-таки рискованно ответил:

– Не у меня, а со мной... Можешь считать этого пернатика моим телохранителем.

– Вот те раз, – делано удивился Мурат, – зачем тут телохранитель?

– У Гринева, ты же знаешь, были прецеденты, – ровным голосом уронил Квадратный. И тем глазом, который не могли видеть люди, собравшиеся у «трона», подмигнул Росту. Да Рост и не сомневался, что бывший старшина, а ныне приближенный Председателя неизвестно в каком чине, был на его стороне. Они немало пережили вместе, такое не забывается. Тем более в непонятных обстоятельствах.

– Ладно, – отмахнулся от него Мурат. Он задумался, все ждали. – Только вот не знаю, Гринев, можно ли при нем выкладывать те планы, выполнение которых я хотел тебе поручить.

– А выполнение включает использование пернатых?

– Может быть, – отозвался Каратаев.

– Тогда лучше с Шипириком, – решил Ростик. – Мне начинает казаться, его послали не столько ко мне, сколько к человечеству, чтобы иметь, так сказать, постоянного представителя, переводчика и доверенного информатора.

– Информатор – это не очень, – поморщился Мурат. – Вот представитель... Посол, что ли?

– Вроде того, – отозвался Рост.

– Тогда пусть остается.

С этими словами Мурат кивнул Смаге. Тот сходил в угол кабинета и выволок из какого-то сундучка несколько рулонов плотной бумаги. Их положили на низкий стол на колесиках, который Каратаев умело выкатил перед председательские очи. Рост посмотрел на бумаги.

Это были те самые трофейные карты, которые человечество много лет назад захватило у пурпурных. Тогда их не смогли прочесть, потому что они были сделаны не по законам человеческой картографии, а оказались невиданным образом зашифрованы. Сейчас Рост без труда видел, что и расшифровывать-то было, в общем, нечего. Просто на одном и том же листе были нанесены береговые линии, рельефы и ломаные координатные сетки разом. Последовательность их представления зависела не от линейных рамок по сторонам карты, а должна была считываться от двух осей, угол между которыми все время немного менялся. Кажется, это зависело от того, что фронт рассвета немного «гулял» в течение годового цикла. Рост только удивился, как он не мог осознать этого раньше.

– Видел такое? – продолжал Мурат. – Так вот, мы расшифровали эти головоломки. Правда, с помощью наших друзей аймихо, но это дела не меняет. Он снова кивнул Смаге, и тот, подойдя к стене, раздвинул почти незаметные каменные ставенки, открывшие другую карту. Это был целый материк, чем-то отдаленно похожий на земную Австралию. И если Рост правильно прочитал таблицу расстояний в картах пурпурных, примерно такого же размера. На севере от этого материка лежал довольно причудливый остров, представляющий Полдненное подобие Новой Гвинеи. Примерно в половину меньший остров лежал на юго-западе, зато Новая Зеландия полностью отсутствовала.

– Мы находимся вот тут, – сказал Перегуда, решивший перехватить инициативу, и указал на нижнюю точку того, что у настоящей Австралии называлось бы заливом Карпентария. – Правый, восточный рог залива – земли пернатых. Западная часть – сплошь леса дваров.

Центральная часть материка была закрашена желто-коричневым пятном. Зато вокруг этого пятна вдоль восточного берега тянулся довольно веселый зеленый обод. В трех местах параллельно ему были нарисованы небольшие возвышения, как гряды холмов, которые выходили за пределы Полдненной атмосферы. Все было очень наглядно.

– В центре мы видим болота, получившие название Водного мира, – Перегуда чуть сбился. – Не знаю, откуда это повелось...

– Мы с Гриневым и Пестелем так назвали, – вставил Квадратный.

– Да? Я не знал, – Перегуда провел рукой по зеленому ободу. – Что творится на болотах, мы представляем плохо. Там трудно летать, мы уже потеряли три гравилета, хотя... меры предосторожности были приняты. Вот здесь, за землями пернатых, кажется, обитают волосатики. Они ведут кочевой образ жизни, и как им удастся избежать гибели от борыма, тоже не вполне ясно.

Не много же они узнали за прошедшие годы, с легким раздражением подумал Ростик. В самом деле, если бы исследования были поручены ответственным людям, то не потребовалась бы и помощь аймихо, все это было бы известно посредством картографической съемки с гравилетов. Не так уж был велик этот континент, чтобы его нельзя было исследовать за три-четыре года, имея в распоряжении десяток умелых летчиков.

– А вот дальше, по южному берегу, юго-западному и западному, вплоть до лесов, – провел рукой Перегуда, – обитают... Обитают разумные или полуразумные гигантские пауки. Наши друзья аймихо называют их комши. И не склоняют, что интересно... – Он сбился, потом решил начать сначала. – Вот этих-то комши следует наблюдать особо.

– Тебе, Гринева, – веско добавил Каратаев.

– Не понимаю, – признался Ростик, – они что, как-то странно себя ведут? Так мы этого не можем определить, ведь каково их нормальное поведение – неизвестно, и нам не с чем сравнивать... Почему за ними нужно наблюдать?

– Там что-то происходит, – жестко проговорил Квадратный. – И тебе нужно определить, что именно.

– Почему я? – в лоб спросил Рост.

– В том-то и дело, – устало, отбросив деланую жизнерадостность, проговорил Мурат. – Аймихо говорят, что это можешь определить только ты, потому что именно тебя они натренировали видеть то, что скрыто от других.

– Я? – переспросил для верности Ростик и за неимением никого более привычного посмотрел на пернатого. Шипирик выглядел бесстрастным и невозмутимым, но, кажется, многое понимал.

– Ты, – сказал Перегуда. И, вздохнув, добавил: – Имей в виду, от твоих рекомендаций будет зависеть – готовиться нам к войне, или...

– К войне все равно придется готовиться, – проговорил Квадратный. – От твоих рекомендаций, Рост, будет зависеть, к какой именно. И главное – что нужно сделать, чтобы нам... если не победить, то хотя бы выжить.

Часть II

Слово ужаса – Комши

Глава 7

Котел, как Росту снилось несколько последних лет, работал почти бесшумно. Он, Ева, Ким и четверо – в две парные смены – волосатиков на котлах медленно тащились над Водным миром. Это был тот еще труд, но полученное задание нужно было выполнить.

Потому что Рост, как и было сказано, видел больше других, свободнее понимал то, что видел, и осознавал все в такой форме, что спорить с ним, как он выяснил перед самым полетом, было затруднительно даже старцам аймихо. Разумеется, в этом была главным образом заслуга Сатклихо, но, может быть, проявлялась и та особенность Ростика, ради которой все это племя присоединилось к Боловску.

Водный мир простирался вокруг на трудноисчислимом протяжении, но это не значило, что он выглядел похожим в разных своих частях. На востоке, где поднимались какие-то странные испарения, закрывающие обзор уже в полусотне километров, то и дело возникали жутковатые даже на взгляд издалика джунгли, ядовито-зеленые, с желтыми разводами и полями каких-то неярких цветов. Запад любому мог бы показаться холодноватым, с блеском ручьев, речек, прудов и протоков. Там росли гигантские камыши, а на островках, то и дело возникающих в ровном пространстве болота, виднелись даже подобия странных красновато-коричневых деревьев, похожих на большие кактусы, только не из мякоти, а из плотных деревянистых слоев, которые накручивались друг на друга, как в луковице. Хотя почему Ростик так думал, откуда ему вообще пришло это в голову – раз такие кактусоиды из людей, по словам Кима, никто не исследовал, – он не знал.

Еще дальше на запад виднелись уже леса дваров, бесконечные, темные, высокие, особенно по сравнению с плоскими болотами. Они уходили очень далеко, превращаясь в плотные массы ясного сероватого воздуха и размываясь уже в морских просторах. На севере почти ничего видно не было, потому что мешала Олимпийская гряда, да и понятно там было все, во что бы ни упирался взгляд. Вот за этими холмами возникал кусочек суши, это была оконечность полуострова пернатых, восточнее виднелись холмы пониже, это было место, откуда Цветная речка вытекала из болот... Вернее, не речка, а настоящая мощная красивая и широкая река, не хуже Волги в течении, скажем, вблизи Калинина. Это потом, попетляв по безводным степям, она рассыпается и усыхает до потока, который иногда можно перейти вброд, не шире какой-нибудь азиатской Амударьи.

Рост вздохнул, да, он научился видеть гораздо правильнее. Только поможет ли ему это, позволит ли понять то, что он должен увидеть там, на юге, куда его послали с такими неопределенными намерениями? Уже в который раз Рост пожалел, что забыл в Храме подзорную трубу. С трубой было бы куда проще, тем более что он привык к ней, получив ее в награду за некогда славные бои между черными треугольниками губисков и людьми, позволившими снова, уже в который раз, отстоять независимость и, может быть, саму жизнь Боловска. На вопрос, как же теперь прицеливаются на летающих крейсерах, Ева рассеянно ответила, что теперь разносортная оптика им не нужна, потому что Перегуда наладил выпуск совсем неплохих прицелов, специально сделанных и пристрелянных под корабельные пушки.

Один из таких прицелов стоял как раз на спаренных пушечках перед Ростиком. За неимением других приборов он развернул стеклянную башню их гравилета и попытался рассмотреть что-то странное в кустах, растущих слева по курсу, на юго-востоке. Нет, ничего

он не увидел, только шевеление листьев, только путаницу желтых лиан, только блеск на воде... Стоп, это и было самое главное – этот бензиновый блеск.

– Ким, ты не знаешь, тут есть что-нибудь похожее на нефть?

– Нефть? – Ким даже оглянулся на Ростика, потом усмехнулся, показав крепкие, чуть крупные для его лица зубы. – Сроду тут нефти не было. И быть не может, потому что все слишком плоское, до оболочки сферы не больше сотни метров, на такой геологии нефть не возникнет.

– А что может оставлять маслянистые разводы на воде?

– Вот ты о чем, – Ким вздохнул. – Неприятная штука такая, называется «алмазная звезда».

– Красная, похожая на пятиметровую морскую звездочку, – подсказала Ева. – Жрет все подряд и жутко ядовитая. Там, где она проползает, ничего живого не остается на несколько лет.

Рост вспомнил, как его гарнизон дикие пернатки выкурили во время торфяной войны, притащив кусок ярко-красной плоти.

– Убивать их не пробовали?

– Еще как пробовали, – отозвался Ким. – Только они мертвые еще опаснее, разлагаются так, что отравляют территории на десяток квадратных километров.

– Если поблизости нет воды, – досказала Ева. – Если есть вода, то трупные яды этой жути способны отравить и больше, чем круг диаметром в три-пять километров.

Рост кивнул, все правильно. Трупные токсины этого животного куда вреднее, чем «живые», так сказать, выделения.

– А не знаешь, крепость на Скале сумели восстановить? – спросил он.

Они прошли здорово восточнее от этой крепости, в строительство которой Ростик некогда вложил так много сил и времени, преодолели гряду холмов не у Олимпа, а над Цветной. Теперь, когда дикие пернатки признали права людей на часть Водного мира, это было возможно даже без стрельбы.

– Ты же был там, верно? – протянул Ким, помолчал. – Это было первое столкновение наших ребят с «алмазной звездой». Там, говорят, погиб почти весь гарнизон...

– Не весь, – отозвался Ростик. – Я их вывел, почти вовремя... Почти.

– Тогда чего спрашиваешь, если сам все знаешь?

– Живой-то «звезды» я никогда не видел.

Гравилет прошел еще километров пять, когда Ева вдруг произнесла:

– Век бы их не видеть.

– Что ж так строго? – спросил Рост.

– Первый экипаж, который их обнаружил, подлетел слишком близко и провисел над ней слишком долго, – отозвалась Ева. – А когда вернулись...

Снова молчание.

– Все? – спросил Рост.

– Все, – отозвалась Ева. – А там такие ребята были... – Снова помолчала. – Даже похоронить их не дали как следует, свалили в братскую могилу, где-то на краю аэродрома.

– Ты знаешь это место, – отозвался Ким, – там еще первые губиски массовое захоронение устроили. Помнишь?

Отвечать было глупо, Рост, конечно, все помнил. Хотя многое и вызывало у него смутное ощущение, словно это было не с ним. Или происходило в каком-то не вполне реальном мире, например во сне. Ростик попытался понять, чем это вызвано, и вдруг с удручающей ясностью осознал, что они все несколько лет после Переноса были словно бы немного не в себе, под каким-то психологическим наркозом, потому что в другом случае они бы сошли в

ума... Нет, это не он придумал. Об этом как-то раз мама очень толково рассказала, наверное, врачи это сразу заметили.

– Крепость восстановили года полтора назад, – снова заговорил Ким. – Приехал Бабурин в химкомплекте, отодрал ту штуку, которая гнила перед крепостью, и запечатал ее в стеклянную колбу. Когда ее запаяли, и полугодом не прошло, как крепость стала пригодной для обитания. Пришлось только новый проход в стене пробить и то место, которое было отравлено, каменным покрытием залить и... все.

– Ничего себе – все, – фыркнула Ева, но получилось у нее невесело. – Там теперь метров триста залито. Представляешь, ни травинки не пробивается, только ровная каменная площадь.

– Зато крепость снова функционирует.

– Я слышал, болеют они там все-таки, – отозвалась Ева. – И волосатики жить отказываются, потребовали новые бараки в стороне.

Они пролетели еще часов десять, когда впереди показалось подобие каких-то возвышений. Только страшно далеко впереди. Но раньше их и видно-то не было.

– Там кончается Водный мир, – согласился Ким, когда Ростик обратил его внимание на эти холмы. – Только туда еще лететь и лететь.

– Мы практически только две трети пути прошли, – отозвалась Ева.

– Сколько же, если точнее? – спросил Ростик.

– Километров с тысячу, может, чуть меньше, – нехотя признал Ким. – Еще пятьсот осталось. Но если взять восточнее, то получится еще столько же. У них там примерно такая же гряда, правда, пониже, лесистая и проходит южнее.

– Уже был тут? – спросил Рост.

– А ты думаешь, карта на стене Председателя сама собой образовалась?

– Он сказал, что карты пурпурных расшифровали.

– Все этими самыми руками потрогано, изучено, пройдено, – отозвалась Ева и потрясла в воздухе своими маленькими, но на удивление мускулистыми лапками.

– Ну, «изучено» – это слишком, – признал Ким. – Но пройдено – это точно.

– И что там? – спросил Рост.

– Сам увидишь. Для того тебя и приказано туда затащить, чтобы увидел.

На ночевку устроились, когда до темноты оставалось еще часа три, а до южной гряды холмов километров двести. Рост не понял, почему они так поступили, и спросил:

– А отчего бы не пройти оставшийся путь?

– Там безопасной ночевки не будет, – нехотя процедил Ким.

– Мы, когда там крутимся, – добавила Ева, – все равно на ночь уходим подальше в Водный мир.

– Тут тоже не будет слишком надежно, – отозвался Ростик, указав на большую торфяную складку протяженностью километров в десять, похожую на земную морену. – Неужели тут хищников нет?

– Хищники-то все больше водяные, – объяснил Ким, – бултыхаются в болотинах, прячутся на дне. И выбираться на сушу ради нас не станут... По крайней мере, одну ночь провести можно. Хотя ставить пост придется.

В постовых выделили, конечно, волосатиков. Они послушно отстояли каждый по два с небольшим часа, и хотя Рост просыпался пару раз, но спящими их не застал. А может, он себя переоценивал – застать волосатика спящим на посту он не смог ни разу, еще во время своей службы в армии.

Поутру снова полетели. Как всегда бывает, когда экипаж еще не слишком изнурен работой, полет доставлял удовольствие. И воздух казался свежее, и лежащие впереди земли –

интереснее. У Роста даже шея немного заболела, так он крутил головой, столько пытался вместить в себя новых впечатлений. Ева даже хихикнула:

– Смотри не объедайся сразу-то. Оставь немного на потом.

– Да, – согласился Ким, – это стоит увидеть.

Что он имел в виду, стало ясно, едва они перевалили через гряды. Разумеется, впереди, на юге и юго-западе блеснуло море, и было до него не очень далеко, не больше трехсот километров. Причем половину этого пространства занимали густые кусты, а остальное... Это можно было бы назвать пустыней, если бы в ней не ощущалась мощная аура жизни, активности, какого-то скрытого шевеления. Рост от нетерпения даже подался вперед, пытаясь понять, что именно и как он чувствует. Пару раз ему показалось, что он увидел, как по песку кто-то передвигался, но... неопределенно. Слишком далеко еще было.

– Ты не в пустыню, ты на запад смотри, – подсказал Ким.

Рост повернул сиденье и ахнул.

Километрах в трехстах от них прямо к небу, на фоне далекого, темного, как всегда, леса, в котором, по-видимому, обитали те же двары, вздымалось... нечто. Больше всего это было похоже на термитник. Или нет, на большую тайландскую пагоду, сделанную из плотного, светлого, твердого даже на вид камня... Нет, не камня. Рост почему-то знал, что это не камень, а подобие того материала, из которого зеленокожие льют свои барельефы – более тонкая, чем обычный строительный раствор, полуорганическая масса, старательно и последовательно уложенная слоями, чтобы башня вознеслась метров на триста, а то и выше.

– Ким, летим туда, – попросил Рост.

– На востоке еще две такие же, – отозвался он. – Может, не стоит?

– Летим, – попросил Рост. – Мне нужно все осмотреть.

Они чуть повернули и двинулись к этому образованию. Как оказалось, оно было гораздо выше, чем Ростик оценил вначале. И шире у основания.

– Эту штуку замерить не пытались?

– Они стреляют, стоит чуть приблизиться, – ответила Ева. – Но в общем... пытались. Высота у нее почти триста пятьдесят. А основание – больше полукилометра.

Пятьсот метров – это солидно, решил Ростик. Только он почему-то не мог его рассмотреть... И вдруг увидел. У основания башни песок пустыни сплошной корой покрывали крыши... маленьких строений. Они были в два-три этажа, но, чем ближе к башне, тем выше становились, пока не сливались, поддерживая друг друга.

Разведчики пролетели еще километров сто, как вдруг Ким и Ева заработали рычагами, да так, что штанги управления зазвенели. Рост отвлекся от созерцания невиданного города и взглянул вниз. Оказалось, они обходили десяток невысоких, плоских, сливающихся с пустыней строений. Из этих строений по ним стреляли. И довольно точно, по крайней мере, зеленоватые лучи, как обычно бывает у пушек пурпурных, проходили близко.

Удачно миновали эту деревушку, но появились другие. И, чем ближе к городу, тем чаще они попадались. Вот у этих-то поселений, как Рост понял, и сосредоточивалось то самое шевеление, которое он заметил еще издали. Это были какие-то существа, которые плавно и легко передвигались по почти лишенному растительности грунту.

– Пониже, – попросил Рост. – Я хотел бы познакомиться с парой здешних представителей, разумеется, с теми, у кого пушек нет.

– Познакомишься, – отозвался Ким, – даже тошно станет.

– Почему? – удивился Рост и повернул свои пушки, чтобы рассмотреть в прицел, что он видит, и вдруг понял – «почему».

Потому что это были не обычные существа, и даже не привычного вида насекомые, которые когда-то атаковали Боловск сразу после Переноса. Это были... пауки. Те же четыре больших, членистых ноги и четыре маленьких, в которых некоторые из них что-то держали.

То же тело, созданное, как плоская неправильная тарелка, перевернутая вверх дном. Очень похожая на паучью голову, которая имела венчик из ряда блестящих глаз. И почти та же холодная способность дожидаться ошибки со стороны любого противника, который может стать добычей.

Рост оторвался от прицела, окинул глазом земли около деревни, протоптанные дорожки, странно расчертившие всю поверхность, редкие ручейки и прудики, казавшиеся удивительно ухоженными, аккуратными, чуть ли не рукодельными.

– Сколько же их тут? – спросил он негромко.

– Я таскал сюда Пестеля, – ответил Ким. – Он решил, что в трех городах и этих... деревнях, более миллиона особей.

– Где же их поля?.. Они же должны чем-то питаться?

– Пестель определил, что эти вот глинисто-песчаные простыни и есть их поля, – объяснил Ким как-то уныло, должно быть, это место ему не нравилось. – Под поверхностью они разводят что-то похожее на грибы, пережевывают их, а потом относят жвачку в город.

– Грибы?

– Сероватые такие клубни. Сам понимаешь, мы выбрали поле поотдаленней, выкопали пару штук, Пестель уволок их к себе... Но что он потом надумал, я не знаю.

– А где он сейчас? – спросил Рост.

– Он стал большим человеком в университете, – отозвалась Ева. – Как Перегуда, только в биологии.

– Поумнел за эти годы, должно быть, – согласился Ким. – По крайней мере, его наши забавы со стрельбой и полетами больше не привлекают.

– А пауки эти большие? – сменил Рост тему.

– Почти в триста килограммов. Из них, килограммов пятьдесят – хитин, прочный, как броня. Пока мы одного паука с Пестелем завалили, дважды думали, нам каюк. Они бегают, как пернатые, стреляют, как... как ты примерно. И взаимовыручка у них, дисциплина, иерархия.

– Неужели так сложно? – не поверила Ева.

– Ага, – подтвердил Ким. – Мы неделю охотились, пока получили... образец.

– А договориться – никак? – спросил Рост.

– А ты попробуй, – сказал Ким. – Только сначала, советую, напиши завещание. Это тебе не пернатые, которые нам зеркала льют. И не двары, которые хотят только одного – чтобы их оставили в покое. Это, парень, хитрые бестии, бесстрашные, умелые. И голодные. Всегда голодные.

Рост представил себе паука в триста килограммов и себя рядом с ним. Попробовал представить Пестеля, не способного, кажется, ни на один необдуманый поступок, и в конце концов согласился, что за этой живностью придется... охотиться. И понял, что Ким прав. Ничего он даже со своими новыми способностями толкового не сделает, переговоры тут смысла не имеют. А будет слишком смелым, его тоже пережуют, как те клубни, которых он пока не видел.

– А что они делают со своей жвачкой в городе? – спросила Ева.

– Не знаю. Продают, наверное... А может, просто так отдают. Как дань.

Гравилет подошел к башне почти вплотную. Вблизи она была примерно такой же, какой казалась издали, только более сложной. Стали видны переплетения силовых ребер и вложенных в каменное «литье» струн – лиан или плетеных веревок, иногда пробивающихся на поверхность конструкции.

Рост засмотрелся на эту башню так, что не заметил, каково приходится Киму с Евой работать на рычагах. Наконец, Ким не выдержал:

– Рост, давай линять отсюда!

Ростик встрепенулся. У границы города бушевала толпа пауков, из которой много стреляли. Иные выстрелы сливались, образуя уже вполне опасные даже на таком расстоянии жгуты плазмы. Впрочем, для их легонького гравилета любое попадание могло стать гибельным. А погибать не стоило, потому что Ростик, на удивление себе, кое-что надумал. Поэтому он признал:

– И правда... Давай линять.

Они развернулись и пошли на север, оставляя позади странное сооружение полуразумных, по-видимому, пауков. А Рост пытался додумать свою мысль, стараясь одновременно сосчитать, сколько деревень находится в той стороне, откуда подступал лес дваров, и сколько еще находится на побережье.

Глава 8

Теперь они шли довольно высоко. Рост заметил, когда на котлах у Кима была смена и помощник на рычагах, он поднимался повыше. Скорость тут в самом деле возрастала, хотя это давалось ребятам нелегко.

Рост подумал, что нужно бы спросить, что Ким по этому поводу думает, но потом решил не спрашивать. Он и сам это понимал. Каким-то новым для себя образом. То есть если раньше, благодаря неведомым особенностям сознания, которым наградило его Полдненье, он знал конечный результат, видел немного вперед во времени, то теперь он мог делать выводы, анализировать ситуацию, хотя и не чувствовал ни головных болей, ни тошноты, ни холода. А впрочем, может, у него не все так здорово, он же, что ни говори, ничего определенного, экстраординарного не выдал, чего бы не мог увидеть другой человек...

Холодная волна накатила, как удар ледяного ветра. Росту показалось, что он думает, но он не думал. Он знал – угроза, страшная, смертельная, способная привести все к гибели, набирала силу. И связана она была с этими пауками.

– Ким, я забыл, как называли этих пауков?

– Комши. Только так их не мы называли, а аймихо.

Понятно. Конечно, аймихо. Только что с ним? Рост потряс головой, стараясь выйти из транса.

– Ким, если что-то случится, передай в городе, что им эта высотная башня нужна для выпестывания молодняка. Что-то там у них связано с ферментацией жвачки. Без этих высоток они не способны размножаться, понимаешь?

– А подробнее? – деловито спросила Ева. Но Ким ее не поддержал.

– Почему я должен сказать? Почему ты сам не можешь?

Рост замаялся. Потом понял, что именно его беспокоит.

– Понимаешь, ведь я – простой фермер. Меня, когда прилетим, может, никто и слушать не будет.

– Зачем же мы тебя тогда катаем?

– Покатаете, а потом начальство забудет выслушать. Сколько раз так было. – Рост посмотрел за стекла башенки. Он в самом деле был только фермер, которого попросили о пустыковой прогулке. Не больше. Полномочий, чтобы отвратить эту угрозу, ему не видеть...

Нет, дело не в полномочиях. Об этом можно побеспокоиться потом. Сейчас важнее что-то другое. Более тяжелое и срочное. Что же, подумал Ростик, что же находится там, в моей голове? И вдруг понял.

– Ким, когда вы летали около этого города прошлый раз, огонь по вам был такой же плотности?

– Разве это огонь? – Ким даже обернулся. Сообразил, корейская душа, что Рост не просто спрашивает. – Простой раз мы на десяток километров не смогли к этой башне подойти. А ты думаешь?..

– Вот именно, – отозвался Рост. – Даже перед Боловском мы смогли бы стрелять плотнее раз в несколько. А тут и население больше... Я сначала подумал, у них стволов мало, но если ты говоришь, что их хватает, то...

– Куда же они делись? – не поняла их Ева.

– Вот именно – куда? – Рост подумал. – Знаешь, что, старина, давай-ка ты лети очень низко. Я хочу кое-что проверить. И двигай на восток, строго на восток.

Они полетели низко, еще ниже. Потом, по просьбе Ростика, пошли на бреющем. И тогда стало видно. Тропы, которые кружили вокруг города, соединяя его с деревнями, вдруг

оборвались. Но вблизи было видно, что они... Аккуратно присыпаны. Или затерты на индейский манер, когда к скачущей лошади привязывали пару-тройку молодых деревьев.

– Тут что-то было, – высказалась, наконец, Ева.

– Верно, – согласился Ким. – Но что?

Тогда они покружили немного над кустами. В них никого не оказалось. Недавно прошедшие тут пауки кустов и вообще деревьев явно не любили. Рост снова подумал, упрямо перебрал все известные ему факты...

– Ким, лети вдоль дороги, как если бы ты хотел ее выютюжить. Только не очень быстро.

– Пыльно будет, – пояснила Ева. – Даже грязно, я бы сказала.

Но они, конечно, все равно полетели. И наконец, в третьем часу дня нашли. Все оказалось просто. Стоило им перелететь через заросший травой холмик и свалиться в низинку, заваленную особенно рыхлой почвой, повисеть немного, да так, что вихри от гравитационных блинов поднялись метров на тридцать, как из-под земли что-то стало выползать.

Ростик на миг вспомнил, как в Крыму они с отцом ныряли с маской и высматривали крабов. Те закапывались в песок на дне, и их было не видно, но стоило немного поработать ластами, как песок срывался с гладких панцирей, открывая бугристые спины. Тут было то же самое. Только на поверхность из песка вылезали, спасаясь от давления искусственной гравитации, не крабы, а здоровенные, метра в три, паучищи. Смешно приседая на своих не очень сильных с виду ногах, они отползали вбок...

– Вверх! – заорал Ким, да так, что Рост вздрогнул.

Но заорал он вовремя. Несколько отползших пауков вдруг стали странно подниматься туловищем, приседая на задние ноги, вытягивая передние, и выносили перед собой в маленьких подбрюшных лапках что-то, блеснувшее темным металлом. А потом и ружья ударили...

Ребят спасло только то, что стреляли пауки не прицельно, видимо, находились еще под эффектом гравитационной волны или были не уверены, что нужно стрелять... Все-таки, решил Рост, им было приказано прятаться, но какая уж тут пряталка, если приходится палить в противника?

Гравилет выскочил из ложбинки. Ким на всякий случай набрал высоту, повернулся к Росту.

– Что это было?

– Скажи, когда вы следили за этими пустынями, вы, наверное, смотрели главным образом по верушкам холмиков?

– Не то чтобы... Вообще-то, если честно, в ложбины не залезали. Понимаешь, сверху всегда кажется, что видно все и вся. И если такая вот овражина просматривается, то кажется, что в ней ничего нет.

– А как раз в них пауки и прячутся. Понимаешь? И хотя тени нет, не на Земле все-таки, но, наверное, прохладнее, спокойнее да и рыть легче.

– Рыть? – спросила Ева.

– Существа, выращивающие свои пищевые продукты под землей, не могут не быть саперами. Поэтому искать их нужно под землей, вернее, в грунте.

– Зачем их искать?

– Потому что они прячутся. От нас, – грустно проговорил Ростик. – Вообще, от наблюдателей. И по той причине, что скрытно, незаметно для нас пытаются перебросить...

– Войска? – недоверчиво спросила Ева.

– Именно, – подтвердил Рост. – Армию. Недаром в городе так мало пушек осталось, все в войсках. Которые двигаются... Помнишь карту, Ева? – Она, конечно, помнила, только ничего не сказала. – Так вот, по болоту они пройти не могут, слишком неприятная для них среда. Вот они и прут вокруг континента, чтобы добраться до нас по равнинам.

Минут десять все молчали. Оба пилота понимали, что говорит Рост. Это была война на уничтожение. И следовательно, перед людьми стояла новая проблема – как справиться с такой силой?

– Как думаешь, сколько их? – хрипловато спросил Ким.

– Если в этих поселениях более миллиона особей, а они способны выделить от одной трети до одной пятой, то... Тысяч четыреста бойцов будет. – Рост подумал, посмотрел на далекое море. Ему не хотелось говорить то, что он придумал, но выхода не было. – И они отлично организованы. Недаром ни одному из вас, по сути профессиональному наблюдателю, не удалось их засечь. Без железной дисциплины и управления войском скрытую подготовку не проверить.

– Что же теперь будет? – спросила Ева.

– Давайте-ка, ребята, полетим по их маршруту. Все равно нужно посмотреть – выделили свои силы два других города, которые вы упоминали, или?..

Они долетели до следующего города к полудню, а к третьему добрались на второй день путешествия, незадолго до вечера. Тут оказалось все то же самое, пауки прятались, но если их обнаруживали, принимались палить, и довольно метко.

Потом, по предложению Роста, наблюдатели полетели дальше. Пространство их континента внушало уважение, хотя Ростик отчего-то думал, что для пурпурных, приученных к другим масштабам, эта земля могла показаться крохотным островком, не интересным для детального изучения.

Но удивительно было, почему губиски привязались к человечеству, почему не оставили в покое?.. Нет, что-то было не так, решил Рост, когда вспомнил, как все вышло. Металл, отличная сталь, выплавленная на Земле. И ее, как показалось первой волне захватчиков, так легко отбить и унести... Но они потерпели поражение. И это их заело, они попробовали еще раз, более эффективными средствами, но и в этой войне люди сумели победить. Тогда стало ясно, что с людьми придется считаться, потому что у них появились трофейные средства, представляющие угрозу для местных правителей. И тогда людей решили уничтожить. Просто и откровенно, как слишком непонятный фактор.

Рост откинулся на спинку сиденья. Знать бы все заранее, можно было бы вести себя потише. Можно было бы даже попробовать поиграть в кочевников, только бы сохранить шансы на развитие... Нет, если бы люди отдали Боловск, они бы быстро и безнадежно одичали.

Гравилет повернул, следуя за береговой линией, на восток. Тут уже пошли знакомые равнины, травяные косогоры, несколько языков джунглей выходили, как растительные разведчики, из Водяного мира... Который тут был не совсем уже водяной, скорее субтропический, с обилием рек и стариц. Рост был уверен, что эти джунгли кишмя кишат разной живностью и армия пауков, сколь бы решительно они ни были настроены, попробует обойти их вдоль моря. Но все равно, путь перед ними лежал широкий, в самом узком месте оставалось километров по двести.

Кажется, на пятый день они впервые не улетели ночевать на более безопасные островки, поднимающиеся в болотах. Просто выбрали одно из последних, самых дальних брошенных поселений комши, в котором, по некоторым признакам, никто не жил уже много лет, и опустились в разрушенный купол диаметром метров в сорок. Тут можно было незаметно развести костерок, вскипятить чай и даже слегка расслабиться. Стены из сероватой, похожей на старый мрамор субстанции внушали чувство безопасности. Впрочем, ложное.

– Так ты думаешь, – спросила Ростика Ева, когда они все вместе, включая измученных волосатиков, сидели около огня, потрескивающего найденными в округе сучьями, – что их армия насчитывает тысяч четыреста солдат?

– Думаю, – согласился Рост.

– Нам такую орду не одолеть.

Рост посмотрел на темное, серое небо над головой. Пожалуй, ему не хватало звезд. Вот ведь странно, в Храме за семь лет он вспомнил о звездах всего-то пару раз. А тут ночи не проходит, чтобы он о них не думал.

– Без помощников человечество их, конечно, не одолеет.

– Даже если с волосатыми, пернатыми и дварами – все равно не одолеем, – отозвался

Ким.

– Предположим, двары как-то защищаются от них на западе, – высказался Ростик.

– Точно, – согласилась Ева. – Слушай, давай к ним смотаемся, может, ты своим шестым чувством поймешь, как они это делают?

– Я и так знаю, – ответил Ким. – Просто паукам лес не нравится.

– При том, что наступательные действия вести не имеет смысла, территории у них и так куда больше, чем нужно, – поддержал его Рост.

– Почему же они тогда на нас?.. – Ева не договорила.

– Это загадка, – согласился Ростик. – Пока не знаю, будет время – сообразим.

– Слушай, а почему аймихо их не почувствовали? – спросил Ким. – Я имею в виду, почему они не сообразили, что пауки собрали армию и направили ее на нас? Они ведь ментально видят на расстоянии...

– Вспомни, как паук охотится. Он сидит в углу паутины, или котролируемой территории, и ждет, ждет, ждет... Может ждать месяцами. И никак не реагирует на раздражители. Ни эмоций, ни очень уж выраженного соображения. А это значит, что его очень трудно увидеть ментальными средствами – он же ничего не производит, ничего не выбрасывает в окружающий мир, никаких полей не генерирует. Поэтому для аймихо он остается невидимым.

– Да что вы о ерунде какой-то?.. – спросила Ева, которую отвлеченные разговоры всегда раздражали. – Как мы защищаться от них будем?

– Тут нужно хорошенько поразмыслить, – признал Ростик.

Поднялся, добрался до полуобвалившейся стены паучьего строения, поднял кусок купола килограммов в двадцать и отнес его в гравилет. Ни Ева, ни Ким его ни о чем не спрашивали. А волосатики уже завалились спать, выставив дежурного. Рост подумал было, что нужно объяснить свою идею, потом отказался – вдруг ничего не получится, он ведь не уверен, что идея правильная... Но в их положении могло сгодиться все, что угодно, даже те бредовые идеи, которые он обычно отвергал ввиду явной фантастичности.

Поутру разведчики полетели на северо-восток, срезая угол очень чистой, травянистой равнины. Каждому было бы ясно, что тут ничего искать не следует. Тут у комши имелись все возможности для маневра. А это сейчас было самое главное.

На следующую ночевку им удалось устроиться совсем не так легко, как в предыдущую ночь. Слишком много уже оказалось тут диких бакумуrow. И бродили они большими стаями, иногда до сотни душ. Рост попросил облететь некоторые из них. Они облетели. Никто по ним не стрелял, потому что у этих бакумуrow не было ружей, но было немало таких, которые провожали гравилет внимательным взглядом, – была бы возможность, они попробовали бы достать его из пращи. В этих группах было очень много молодняка, у трети еще не выгорели волосы, и почти все были низкорослыми, – значит, естественная смертность огромна, и не хватает корма. Это было странно, ведь рядом находились отличная равнина и джунгли, которые могли прокормить в сотни раз больше едоков, чем те группы волосатых, которые Рост видел. И все-таки бакумуры не спешили воспользоваться этим шансом... Значит, была какая-то причина, не пускающая волосатиков западнее.

Рост попробовал сообразить, что это могло быть, но ни к чему не пришел. Слишком много сил и внимания он затратил на попытку осознать ситуацию с пауками. И слишком

глубоко погрузился в задачу, как отразить новое нашествие – не до попутных глупостей было.

А потом они прилетели в Боловск. Он вывалился на них как-то очень быстро, пожалуй, даже внезапно. Просто показалась гряда холмов, Ростик было подумал, что их вид что-то ему напоминает, а уже через пять часов они миновали Цветную речку.

Приземлились на стадионе, поближе к Белому дому. После небольшого торга сошлись на том, что Ева отгонит лодку на аэродром, к Серегину, а Ким отправится с докладом к Мурату. Рост же вытащил из гравилета кусок паучинового камня, который нашел в развалинах, и отправился в университет. Там было хорошо – прохладно, тихо, почти безлюдно. Лишь в двух небольших комнатах звучали голоса людей, но негромкие, спокойные. Ростик даже позавидовал, что не нашел возможности подучиться. Уж очень ему тут всегда нравилось.

Пестеля, опросив двух солидного вида бабушек, восседающих у разных дверей, словно и не было никакого Переноса, он нашел в одной полуподвальной лаборатории. Тут было полно разных полок с горшками и стеклянными сосудами. Пару раз Росту на глаза даже попались еще земные трехлитровые банки, правда, обе были оплавлены у горлышка, чтобы получить возможность использовать тугую, деревянную пробку. В обоих виднелись какие-то куски, бывшие некогда частью живого существа.

Пестель Росту обрадовался. Только он быстро выдохся, потому что был усталым до изнеможения.

– Ты чего такой? – отважился спросить его Рост.

– Паука препарировали, – признался биолог. – Пытались найти какие-нибудь возможности использовать против их городов крыс, блох, других паразитов.

– И что?

– Скорее всего результат отрицательный. Конечно, было бы лучше, если бы мы испытали наши идеи на живых объектах, да не на одной особи, а на группе... Но не похоже. Скорее всего использовать против них что-то очень радикальное мы не можем.

Рост вдруг почувствовал, что тоже устал. Присел на краешек стола, вздохнул. И рассказал про армию пауков, которая скорее всего направляется в их сторону. Рассказ он завершил так:

– Ты не знаешь, кто может у них иметь такую власть, чтобы подчинить четырехсоттысячную армию? И где этот центр может находиться?

– Знаю, скорее всего их самки. У пауков вообще очень матриархальное сообщество. А вот где могут находиться – сказать невозможно. Они ведь не то что муравьиные «королевы», которые, начиная воспроизводство, практически теряют способность к перемещению. Они и двигаться могут, и маскироваться.

Рост подумал и задал еще один мучающий его вопрос:

– А не знаешь, пауки телепатией владеют?

– На Земле я думал, что телепатии и у людей нет, – Пестель устало усмехнулся. – А тут оказалось, что нечто очень похожее на эту выдумку работает. Да еще как. По этому поводу тебе лучше всего будет расспросить аймихо. Они много знают, только не любят выдавать информацию по первому требованию. Все время приходится их тянуть за язык.

Рост посмотрел на давнего друга чуть удивленно. У него о переселенцах сложилось противоположное мнение.

– Ладно, тогда ты можешь исследовать это? – И он водрузил на стол перед Пестелем обломок паучьей стены, объяснил задачу.

Пестель выслушал его со вниманием. Потрогал камень, понюхал его, отколол кусочек, рассмотрел излом, наконец, ответил:

– Интересно... Я займусь этим. Только сам не справлюсь, не та специальность. Нужно к Ширам смотаться.

– Смотри, – отозвался Ростик. – Очень тебя прошу. Вдруг да найдете что-нибудь?
Уж очень странной была идея, которая почему-то не шла у Роста из головы. Значит, не просто так появилась, и ее стоило опробовать.

Глава 9

Ростика вызвали совершенно неожиданно, когда он почти закончил рисовать карту континента. Она была проще Муратовой, но и предназначалась для личного пользования. Оказалось, что долговременную память аймихо ему обеспечили отличную – Рост был уверен, что не только выдержал примерный масштаб, но и сумел не очень «скосить» угловые соотношения между разными объектами, а это было уже маленьким подвигом. Кроме того, рисуя, он придумал, как следует организовать эту войну. И даже установил примерные сроки всего, что необходимо было сделать. Сроки, кстати, получались суровые. Но время на войне – всегда невозобновляемый ресурс: если упустил момент, значит, не вернешь. И это могло оказаться фатально.

На следующий день к нему ввалился чуть запыхавшийся Пестель и, даже не поздоровавшись, зачистил:

– Заварил ты кашу... Давай-ка одевайся по-быстрому, пошли.

– Какую кашу? Куда пошли?

– В Белый дом. Будешь докладывать Сапарову, что и как именно ты думаешь.

Рост поднялся, стал неторопливо переодеваться в относительно цивильную одежду – сшитую из здешнего, уже Полднего, льна рубаху и плотные, слегка мешковатые штаны из армейского брезента. Уезжая из этого дома в ссылку, он не сумел взять одежду, она так и осталась в его комнате. Вот мама ее и сохранила, не переслала в Храм, даже когда узнала, где Рост находится. Сейчас эта одежда выглядела немного чужой, незнакомой, но ходить в ней по Боловску было допустимо, по крайней мере, на улицах люди не оглядывались.

На самом-то деле Рост привык больше к кожаной куртке, свободной, как у японцев, распашонке и плотным, довольно узким брюкам, похожим на те, которые носили американские трапперы. Такую вот одежду ему шила в Храме Ждо. Фокус был, конечно, не в том, что она оказалась портнихой, а в том, что одежда со временем принимала форму тела и становилась, как говорится, ни прибавить, ни отнять. Вот невысокие сапожки, которые изготавливали пурпурные Висам с Даком, можно было оставить свои, законные, тем более что более подходящей обуви в доме все равно не оказалось.

Рост с Пестелем вышли на Октябрьскую. Кажется, сегодня был первый по-настоящему теплый денек после зимы. Скоро наступит обычная майская пора, зацветет степь, а потом придет лето, с ее жарой и комарами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.